

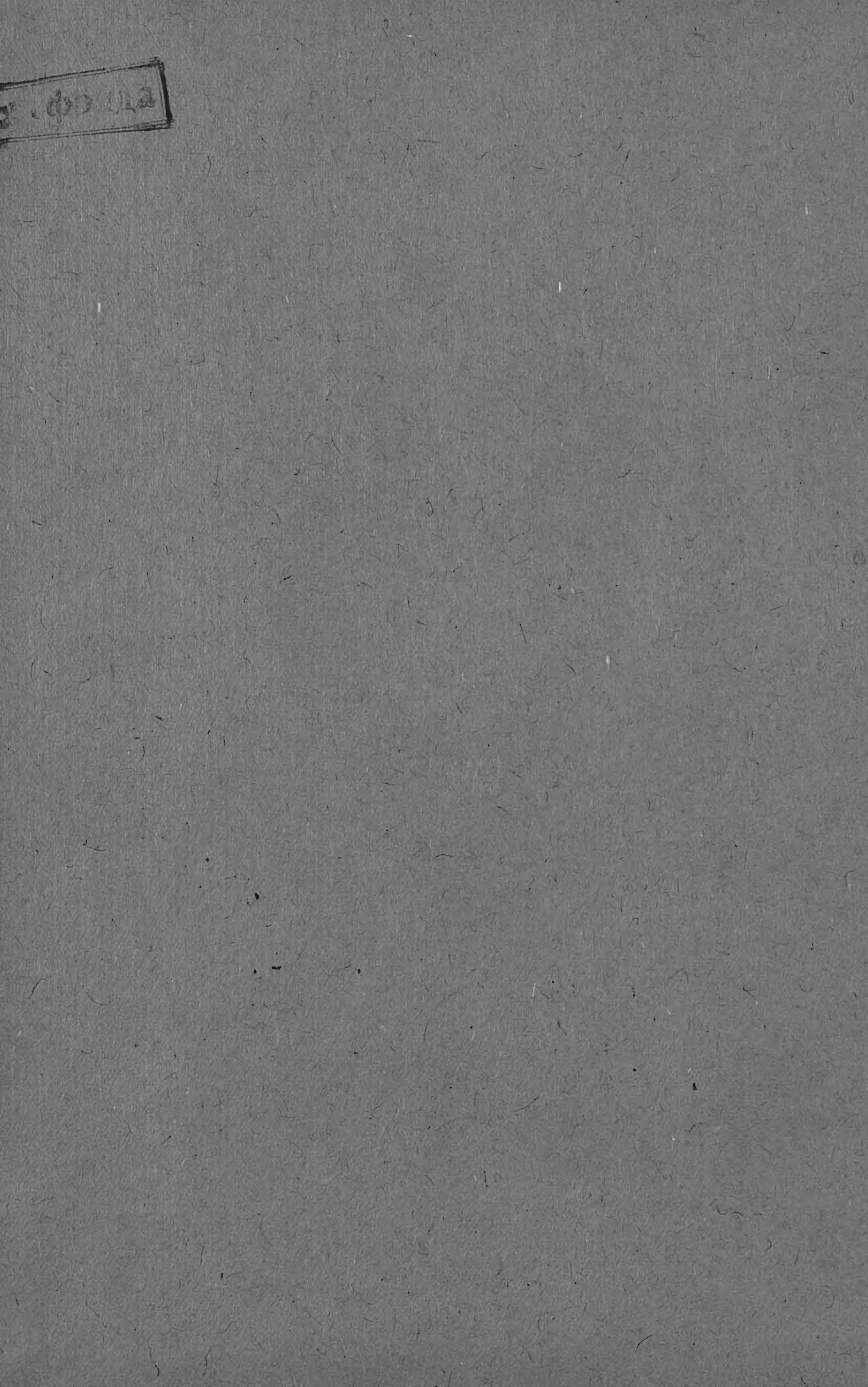
И. ВАРЕЙКИС

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

(ОТНОШЕНИЕ ПАРТИИ К ТРОЦКИЗМУ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

И. ВАРЕЙКИС

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

(ОТНОШЕНИЕ ПАРТИИ К ТРОЦКИЗМУ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1925 . . ЛЕНИНГРАД

Главлит 36.134. Тираж 15.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий", Пименовская, д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Партийная, революционная, политическая традиция большевизма исторически сложилась на непримиримой войне с меньшевизмом, с оппортунизмом, с соглашательством всех оттенков и направлений, в борьбе с мелкобуржуазной стихийностью, беспочвенными колебаниями „милосердствующей" интеллигенции, с политической бесхребетностью, беспринципностью, унынием и увлечением революционной фразой.

„Оружие критики" большевизм постоянно применял как вернейшее и необходимейшее средство для подготовки передовых элементов рабочего класса к „критике при помощи оружия".

Первое без второго—ничто, но в то же время абсолютно ясно, что второе без первого невозможно.

Чтобы победить наверняка, рабочий класс должен иметь партию, такую организацию наиболее передовых, наиболее активных и наиболее деятельных элементов своего класса, которая (партия) была бы на высоте исторически поставленных задач. Такая партия должна иметь безошибочную революционную теорию, она должна покоиться на фундаменте научного социализма, марксизма.

„Без революционной теории не может быть и революционного движения",—писал Ленин 23 года тому назад в своей знаменитой книге „Что делать?". Он оказался прав: „роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией". Ленин был смелым неутомимым борцом за революционную теорию рабочего класса, но не только борцом, но и ее гениальным продолжателем-творцом.

Реформистские, парламентские практики социал-демократизма II Интернационала создали культ небрежного отношения, а подчас и прямого игнорирования теории. Эпоха II Интернационала не двигала теорию вперед, а принижала, отодвигая назад от того уровня, на какой подняли ее Маркс и Энгельс.

Ленин поднял науку марксизма, очистил ее от ревизионистской фальсификации и скверны, сам, в свою очередь, продвинул ее вперед на целую историческую эпоху. Это его поставило на один уровень с Марксом, не только как революционного политика, но и как теоретика.

Теоретическая, принципиальная последовательность и твердость есть вторая черта той традиции, на которой вырос и окреп большевизм.

Путь наш исторически проверен.

Мы пришли в авангарде рабоче-крестьянских масс к Октябрьской революции—первой великой революции угнетенных и эксплоатируемых—и победили.

Таков наш путь.

Но самое опасное для партии—зазнаться. Пуще всего нужно бояться превращения в партию „зазнавшихся“.

> „Пожелаем,—говорит Леиин,—чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии (Собрание сочинений, том XVII, стр. 112).

Вот почему нам надо с неослабевающей энергией работать каждому над самим собой и всем над партией в целом. Завоеванием власти в Октябре мы разрешили задачу только наполовину, мы приобрели себе могущественный фундамент, первые предпосылки для социалистического строительства, но социализма еще не достигли, не построили,—для этого нужно неизмеримо больше завоевания государственной власти рабочим классом, тем более в такой крестьянской стране, как наша.

А до того, пока нет социализма, останутся классы крестьянства, мелкой и крупной буржуазии. Продвигаться вперед наша партия, а с ней весь рабочий класс и крестьянство в целом, будут через противоречения внутренней классовой борьбы. Преодоление их—задача неизбежная, неминуемая,—это не следует забывать ни на минуту. Непонимание соотношений социальных сил в стране влечет к непониманию, к извращению задач партии, а извращение и непонимание последних неизбежно превращается в поражение.

Поэтому сохранение указанной выше большевистской традиции, последовательное продолжение ее есть наша наиважнейшая задача.

В подполье, ссылке, тюрьмах и кварталах эмиграции мы воспитывали тысячи передовых партийцев; теперь этакий масштаб не годится, теперь нужно воспитывать сотни тысяч, миллионы, ибо задача наша неимоверно возросла, как увеличился масштаб и расширился исторический горизонт.

Традиция воинствующего большевизма должна войти в плоть и кровь всей партии, она должна стать ее природой.

Тогда мы будем надежнее застрахованы от внутрипартийных шатаний, тогда трудней будет идейно проникнуть к нам в партию мелкобуржуазности.

В духе последовательного ленинизма, в духе исторических революционных традиций мы должны воспитать молодые поколения партии и кадры Комсомола. Если партия по-большевистски поставит перед собою такую задачу, тогда ей не страшны будут „ревизионистские“ попытки троцкизма и другие, направленные против основ ленинизма.

Коммунистическое движение во всем мире достигло ныне таких размеров, когда за ленинизмом уже стоят силы, не преодолимые никем, ибо они, эти силы, сами готовятся завоевать весь мир.

* * *

Предлагаемая работа написана на основе докладов, читанных автором на различных партийных собраниях по вопросу „о ленинизме и троцкизме“, за исключением IV главы, которая была написана во время дискуссии 1923 года. Тов. Троцкий со своим выступлением „Уроки Октября“ нарушил все внутрипартийные обычаи нашей партии, решения последнего партийного съезда, перевернул новую страницу в прошлогодней дискуссии, тем самым, как выражается тов. Сталин, „навязал партии новую дискуссию“. Партия ее приняла.

Мы выражаем непоколебимую уверенность в том, что после этой „литературно-теоретической“ дискуссии РКП выйдет еще более крепкой, единой и идейно-сплоченной.

И. Варейкис.

Москва, 26 декабря 1924 г.

ГЛАВА I.

Исторический смысл нового выступления тов. Троцкого.

Преодоление реакции внутри рабочего класса.

В классовой борьбе за социальную революцию пролетариату приходится преодолевать, помимо величайших препятствий, лежащих на пути его исторического развития, вследствие господства диктатуры буржуазии и наличия многочисленных классовых надстроек общества, на которые опираются господствующие классы,— помимо целой системы такого рода препятствий, ему еще приходится преодолевать сумму препятствий, выросших в недрах самого рабочего класса. К числу этих препятствий принадлежат: косность, политическая и культурная отсталость, непонимание еще сравнительно многочисленными слоями пролетариата своих классовых задач, воспитание этих слоев социал-демократией в духе соглашательства, реформизма, примиренчества с капитализмом.

В обществе, покоящемся на товарных отношениях, рабочий класс является наиболее сплоченным, социально наиболее однородным. Будучи таковым по своему составу, он, как ни один из всех остальных классов,— помещиков, буржуазии, крестьянства,—таящих в своей социальной природе массу внутренних противоречий, имеет возможность обеспечить себе твердое единство в общественно-политической классовой борьбе. Пролетариат, несомненно, имеет налицо все, так-сказать, социологические предпосылки для установления настоящего классового единства, к установлению единства воли, единства стремлений в борьбе, ибо положение пролетариата в современном обществе ведет к этому с необходимостью.

Но из этого, однако, нисколько не следует того, что пролетариат теперь уже стал един во всех отношениях, что внутри пролетариата нет больше препятствий, которые ему следует у себя преодолеть прежде, чем добиться политического и организационного единства своих классовых сил. На самом деле далеко не так обстоит положение вещей.

Исторический опыт показал, что даже наиболее передовым слоям пролетариата, его наиболее сознательному революционному

авангарду в борьбе за установление внутреннего единства приходится иметь дело с громадными препятствиями, с реакционнейшими традициями и пережитками рабских предрассудков.

Пролетариат, как класс, по своему положению в производстве— самый сплоченный. Однако, надо учитывать, что он живет не в пустом пространстве, а в определенных общественных условиях, в товарных отношениях, в постоянном сношении и соприкосновении с другими классами, ему враждебными, противоположными по природе. Сущность современных общественных отношений состоит в том, что, помимо двух классов,—класса буржуазии и класса пролетариата, этих, так-сказать, антиподов,—существуют еще промежуточные мелкобуржуазные классы и слои, находящиеся на различных стадиях исторического развития, перехода и перерождения от одного класса к другому. Эти слои промежуточные, мелкобуржуазные, крестьянские усложняют общественную ткань классовых отношений, ослабляя резкость противоречий и противоположность классовых интерессов. Это сохраняет своеобразные передаточные, промежуточные экономические звенья, которые играют роль передаточных проводов общественного влияния одного класса на другой—буржуазии на слои мелкой буржуазии и имущие крестьянские верхущки, мелкой буржуазии городов и крестьянства на значительные слои рабочих, которые находятся как бы в окружении этой мелкобуржуазной стихии. Идейное влияние мелкой буржуазии сказывается поэтому весьма сильно на некоторых наиболее отсталых пролетарских слоях, особенно смежных с мелкой буржуазией, не оторвавшихся от ее пуповины. Передовые капиталистические страны в этом отношении имеют более четкое классовое размежевание. Ибо они достигли более высокой консолидации классов; страны же более отсталые, промышленно недоразвитые, отличаются чрезвычайной запутанностью классовых отношений, они имеют еще многочисленные слои мелкой буржуазии, огромный резервуар крестьянства, находящегося и поныне на переходной стадии. Мелкая буржуазия вообще класс переходный, из которого одна часть, меньшая, идет к капитализму, в классовой борьбе она обычно идет с классом капиталистов, становится оплотом буржуазии; другая же часть развивается по линии обнищания, пролетаризации, она непрерывно пополняет резервную армию промышленного пролетариата, становится прямым его союзником в революционной классовой борьбе.

Такая сложная общественная ткань, на которой происходит политическое развитие рабочего класса, сохраняет неизбежно предпосылки мелкобуржуазной психологии, которая владеет значительными слоями рабочего класса и оформляет мелкобуржуазные направления, мелкобуржуазные уклоны в его политической и общественной деятельности.

Мы 8-й год стоим у власти. Диктатура буржуазии и помещиков нами разбита вдребезги, мы добились ценой титанической борьбы с буржуазией и некоторыми уступками крестьянству классовой гегемонии пролетариата, тем не менее, мы у себя еще не устранили мелкобуржуазную опасность, архи-враждебную социализму.

И поныне нас еще окружают глубочайшие источники, которые в общественно-политических отношениях формируют мелкобуржуазные настроения, вызывают мелкобуржуазные колебания в рабочем классе, идейно подчиняют своему влиянию менее развитые слои из среды промышленных рабочих. Такова общественная рама, внутри которой происходит историческое развитие пролетариата. Будучи связан корнями со значительными слоями мелкой буржуазии, в первую голову через крестьянство, пролетариат внутри своего класса имеет сравнительно широкие каналы, по которым просачивается влияние мелкой буржуазии.

Преодоление этих препятствий и устранение элементов консервативности внутри рабочего класса составляло и составляет поныне одну из основных и коренных организационно-политических задач нашей ленинской, большевистской партии.

Преодоление мелкобуржуазной стихийности, а стало-быть, и частнокапиталистической идеологии внутри пролетариата, воспитание его в духе классовой революционной непримиримости ко всему капиталистическому было и остается коренной задачей марксизма и ленинизма даже в России, где революционная победа достигнута. Но этого немыслимо добиться без создания настоящего революционного авангарда, способного на деле руководить борьбой за революционное освобождение рабочего класса и умеющего вести рабоче-крестьянские массы к социализму после победы.

Величайшая ценность и историческая заслуга ленинизма состоит в том, что он научил рабочий класс, как надо политически организовать свои ряды, чтобы наверняка достигнуть революционной победы над буржуазией.

В эпоху величайшей революции в истории человечества ленинизм показал это на опыте, на конкретных примерах партийной тактики.

Ленин построил науку о войне угнетенных против угнетателей и о том, как надо угнетенным после своей победы строить свое государство, чтобы победа зря не пропала, чтобы были до конца доведены исторические задачи. Иметь классово-монолитную революционную рабочую партию, которая сумела бы вести рабочий класс наперекор внутренним препятствиям и шатаниям, есть условие самое необходимое и самое главное. В революции, в конечном счете, решает исход борьбы вся рабочая масса, ее большинство. Но также является абсолютно бесспорным, что победа немыслима, невозможна, если у пролетариата нет, скажем, такой партии, которую мы имели в Октябре в России. Но мы допустили бы теоретически и на практике грубейшую ошибку, полагая, что такая партия нужна только для завоевания государственной власти. Опыт нашей революции, где власть завоевана была большевиками сравнительно легко, доказывает, что самые большие трудности начинаются после завоевания власти. Ибо разгромом диктатуры буржуазии и помещиков, победой над этими классами мы еще не уничтожаем классы вообще и, тем более, не устраняем экономические условия, которые создают классы.

Диктатура пролетариата потому и необходима, что после победы

сохраняются еще очень долго классы. Без единой партии, сплоченной железной дисциплиной, диктатура пролетариата никогда не удержалась бы.

Лозунг большевизации молодых партийцев, а их теперь сотни тысяч в нашей партии, представляет собой четко выраженную, концентрированную задачу воспитания в духе непримиримости к мелкобуржуазной идеологии, которая проникает при нэповском окружении в молодые партийные пласты. Большевизация партии есть не что иное, как идеологическое воспитание ее в духе ясного понимания исторически-классовых задач, поставленных перед рабочим классом. Большевизация—это обучение наиболее сознательных и политически наиболее передовых слоев международного пролетариата тому, как можно создать образцовую компартию, и какая необходима партия, если пролетариат ставит всерьез перед собой задачу завоевания диктатуры. Классовое воспитание рабочих масс, отмежевание их от оппортунистических мелкобуржуазных социал-демократических политиков II Интернационала, создание передовой большевистской компартии—это два условия, без достижения которых немыслимо дальнейшее революционное развитие международного пролетариата, которое теперь может быть только развитием революционным, только через гражданскую войну.

Это—два исторически непременных требования, обусловливаемых политическими задачами европейского и международного пролетариата.

Лозунг большевизации руководящих кадров международного коммунистического движения вырос из исторического опыта большевизма в России, теоретически и научно обобщенного ленинизмом на протяжении трех десятков лет политической борьбы российского пролетариата, начиная примерно с начала 90-х гг. прошлого столетия,—в 1894 году появилась книга Ленина: „Что такое „друзья народа“ [1]). Большевизм складывался как революционное непримиримое классовое направление в политике социал-демократии. Идейный вождь его Ленин поставил себе задачей организацию в России передовых слоев пролетариата и создание из них такой партии, которая могла бы на деле руководить классовой борьбой за социалистическую революцию. Такую партию Ленин построил, но построил он ее в процессе длительной, непрерывной борьбы с отсталостью, косностью и мелкобуржуазностью внутри рабочего класса, преодолевая „ревизионизм“, „экономизм“, меньшевизм и троцкизм, засорявшие революционную теорию рабочего класса.

Борьба с экономизмом, с народничеством, а впоследствии с меньшевизмом и троцкизмом всех оттенков была по существу борьбой с внутренними препятствиями, с „внутренними врагами“,

---

[1]) Книга Ленина „Что такое „друзья народа“ и как они воюют против соц.-демократов“ носит первые зачатки будущего большевизма-ленинизма, поэтому я считаю, что появлением этой книги можно обозначить начало ленинизма.

проникающими в слои самого рабочего класса. Большевизм воспитывался Лениным на беспощадности и непримиримости ко всему тому, что приводило и приводит к подмене революционной классовой линии пролетариата соглашательством, трусливой капитуляцией перед буржуазией, к подмене революционной тактики рабочей партии так-называемым „хвостизмом“, т.-е. попыткой превратить пролетариат и его партию в придаток буржуазно-либеральной политики, в пособника, союзника капиталиста,—в хвост буржуазии.

Своеобразная особенность большевизма, отличающая его в настоящий момент от других „марксистских“ партий и течений, объединяемых II Интернационалом, состоит в том, что он исторически складывался в борьбе с оппортунизмом, в борьбе с мелкобуржуазной отсталостью, в борьбе со всем тем, что ведет политику рабочей партии с революционного пути на путь фактической гегемонии буржуазии над рабочим классом, ведет к подмене рабочей политики либеральной политикой.

Партии II Интернационала были инструментом мирного времени, политическими организациями рабочего класса в эпоху расцвета буржуазного парламентаризма и сравнительно устойчивого равновесия капиталистической системы. В конце 90-х годов прошлого столетия капитализм перешел в новую фазу развития—господство финансового капитала, империализма. Бешеный рост промышленности стремительно умножал армию рабочего класса. Колониальные грабежи, эксплоатация, свойственные экономической природе империализма, создали тонкий слой рабочей аристократии, заработная плата которой относительно, а отчасти и абсолютно, росла из источника „сверх-прибылей“, пожинаемых буржуазией некоторых стран благодаря господству на мировом рынке и над колониями. Но рабочий класс в целом остался в состоянии тягчайшей эксплоатации и политического гнета. Классовое противоречие обострялось во всей своей полноте, несмотря на то, что „духовники“ социал-демократии проповедывали прелести парламентаризма, демократии и елейно примиряли социальные антагонизмы.

История шла неизменно своими старыми кровавыми путями.

Обострение внутренних противоречий постепенно, но неуклонно разрушало старую идиллию парламентаризма.

Перед рабочим классом встали конкретные задачи революционной борьбы за социализм. Перед лицом этой исторически новой задачи германская социал-демократия, а впоследствии весь Интернационал раскололись на два классовых лагеря. В марксизме образовалось два крыла, два течения,—крыло ревизионистов, оппортунистов, меньшевиков и крыло революционных марксистов—теперешних большевиков-коммунистов.

Наличие большевистской партии в России эту задачу разрешило положительно, но для Запада она не решена, она во весь свой рост еще стоит и теперь перед всеми компартиями Запада.

Последние годы мировой войны и революции дали блестящую проверку, доказывающую, что как-раз большевистской твердокаменности, классовой четкости и ясного понимания

исторических задач нехватает даже самым передовым, самым революционным, самым сознательным элементам международного рабочего движения. Условия развития рабочего движения в Европе, имевшего у себя относительную свободу и легальные возможности при буржуазной демократии и парламентаризме, воспитали несравненно более сильные традиции мелкобуржуазного оппортунизма, воспитали массу сторонников „мирной“, реформистской социальной политики и сторонников парламентского кретинизма. Красноречивейшим примером тому может послужить современное состояние германской социал-демократии. Она фактически превратилась в партию весьма умеренной, осторожной, благоразумной буржуазной демократии, стала настоящим оплотом капиталистического общества, защитником священных основ собственности и всех прочих атрибутов капиталистического рабства и эксплоатации.

Можно ли возлагать германскому пролетариату надежды на такую партию? Имеет ли вообще право социал-демократия выдавать себя за партию, борющуюся за социализм? Разумеется, ни то, ни другое немыслимо. Для этого надо как можно скорее создать новую партию, которая порвала бы с предательством пролетариата, с изменой социализму,—такой партией может быть только компартия, если, однако, она воспримет опыт большевизма в России.

Если для нашей партии последовательное воспитание молодежи в духе большевистских традиций остается актуальнейшей задачей, рассчитанной на ряд лет, то тем актуальнее, тем важнее такая задача становится для европейских молодых компартий, не имеющих, скажем, таких старых, революционно, по-ленински воспитанных партийных кадров, какие имеем мы. Большевизация европейских компартий есть задача воспитания их в духе революционной теории ленинизма, которая, в свою очередь, есть продолжение и развитие революционного марксизма, применение его к практическим задачам классовой борьбы нашей эпохи. Ленинизм—это наука о революционной классовой борьбе пролетариата в эпоху социальной революции и диктатуры пролетариата.

Вооружение большевизма.

История большевизма в России есть, по существу, история вооружения по-ленински российского пролетариата и его подготовка к борьбе за власть, за диктатуру. Это была историческая подготовка к борьбе за социальную революцию. В этом ленинском вооружении лежит основной исторический смысл развития большевистской партии. Здесь покоится объяснение непримиримо воинственной ленинской тактики по отношению к промежуточным и мелкобуржуазным партиям, имевшим свои корни в рабочем классе.

Октябрьская победа ни в каком случае не была бы мыслима, если бы не было длительного исторического вооружения большевизма, если бы в Октябре в России не было налицо невиданной

в истории сплоченной большевистской партии, монолитной, твердой, единой, с железной внутренней дисциплиной, обеспечивающей ей полную возможность руководить пролетариатом и многочисленными крестьянскими массами. Повторяю: не будь этого, мы бы имели вместо Советской Республики, в самом лучшем случае, выкидыш типа буржуазной демократической республики,— словом, то, чем обычно оканчивались буржуазные революции XIX столетия в Европе.

Победа в Октябре была достигнута при всех прочих предпосылках, о которых уже неоднократно писалось, наличностью большевистской компартии, этого главного вождя и организатора победы рабочих и крестьян. Большевизм оказался вооруженным так, как надо было быть вооруженным авангарду пролетариата. В этом было историческое завоевание и преимущество большевизма в октябре 1917 года.

Самым грубейшим непониманием истории большевизма, либо сплошной бесчестной фальсификацией ее, непониманием элементарнейших истин ленинизма является утверждение, что ленинизм, будто бы, пережил в Октябре период „перевооружения“.

Такого рода „теорию“, если это вообще допустимо называть теорией, построил в своих последних книгах т. Троцкий. Он считает, что победа большевизма в Октябре обеспечена только фактом разоружения или, как он выражается, „перевооружения“ большевизма.

„Под руководством т. Ленина,—пишет т. Троцкий,—большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 года, т.-е. до завоевания власти“ [1]).

Так со спартанской лаконичностью т. Троцкий поведал миру о „перевооружении большевизма“! Этому вопросу мы посвятим особое внимание, когда перейдем к рассмотрению его теории „перманентной революции“, здесь же только указываем на чудовищное и поистине нелепое извращение исторических фактов развития большевистской тактики и ее подготовки к Октябрю.

Вот один из таких „перлов“, которыми награждает партию т. Троцкий.

На стр. XXVIII своих, теперь уже знаменитых „Уроков Октября“ т. Троцкий пишет:

> „Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на самих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы“.

С взрыва бомбы и началось „перевооружение“ большевизма. Как Афродита из пены морской, у большевиков неожиданно появилась теория о „социалистическом характере“. С этого дня русской революции большевизм порвал с прошлым, начал лихорадочно „перевооружаться“, поглядывая на образцы тактических доспехов, которые лежали в арсенале троцкизма!

---

[1]) Л. Троцкий „1905 год“, стр. 285, примечание к изданию 1922 г.

Просто, очень просто пишется история, да не так просто она происходит. Всякий человек, мало-мальски знающий историю большевизма, невзирая на аристократическую вычурность троцкистских формул, очень быстро и легко обнаружит всю их фальшь. Надо поистине снизойти на ступень школьного ученика по части ленинизма, чтобы так рассуждать о „перевооружении большевизма"; надо либо совсем не знать, либо заведомо извращать исторические факты, которыми полна вся эпоха большевизма, чтобы не понимать и не видеть, что лихой термин о „перевооружении большевизма" есть манера бесшабашного обращения с историческими и теоретическими истинами. Болезнь, „перманентная болезнь" и пристрастие т. Троцкого к „красным" словечкам обнаруживается в этом. Сколько раз напоминал Ильич т. Троцкому насчет его непомерной слабости к фразе и, к сожалению, приходится в наше время то же повторять:

„Друг Аркадий, не говори так красиво!"

Сколько-нибудь знающий историю большевизма человек великолепно понимает, что философия истории т. Троцкого о пере вооружении большевизма есть нечто „от лукавого", и виной тому тот старый бес, который всегда путал и путает т. Троцкого, неизменно ставит его в противоречие с ленинизмом, толкает против ленинизма.

Октябрь не есть продукт разоружения большевизма, а есть историческое победное завершение его революционной тактики, победа того большевистского оружия, которым Ленин вооружал нашу партию годами и десятилетиями.

Разумеется, Октябрьская революция глубоко отличается по своему существу от той революции, которую ставил себе задачей большевизм, провозглашая в 1905 году „демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства".

Смехотворнейшее занятие—искать полного соответствия и повторения в Октябре того, что, скажем, проповедывали большевики до 1905 года и в революции 1905 года!

Октябрьскую революцию отделяет от революции 1905 года 12 лет бешеного капиталистического развития России, резкого обострения внутренних социальных противоречий, расширения промышленности. За эти годы произошли значительные перемены в крестьянстве и, наконец,—что, пожалуй, есть главное,—прокатилась империалистская война. Все это, во всей своей совокупности, продвинуло не только историю России, но и всемирную историю на новый, более высокий этап.

Мировая война, втянувшая все передовые капиталистические страны, послужила как бы сигналом наступающего всемирного кризиса, если не полного краха империализма.

Как относилась партия большевиков к войне? С самого начала империалистской войны 1914 года Ленин требует от Интернационала выставить лозунг гражданской войны (превращение империалистской войны в гражданскую). Всякому политическому младенцу абсолютно понятно, что проповедь гражданской войны

в Европе есть прямое провозглашение борьбы за социальную революцию. Меньшевики и троцкисты, каждый по-своему, не поняли этого факта, этого нового этапа в мировой истории. Между тем, в 1905 году Ленин, как известно, не проповедывал немедленную гражданскую войну в Европе. Почему? Да потому, что Ленин был не „перманентным утопистом“, как те революционеры которые теперь не прочь „поправить“ ленинизм. Он великолепно, знал, что тогда это было немыслимо, исторически невозможно. Вот где лежит коренное изменение нашей тактики перед Октябрем. Отсюда вытекает перемена тактики большевиков в части программных задач, и изменяется оценка характера русской революции. Мы были бы величайшими невеждами в вопросах ленинизма и марксизма, мы были бы людьми, не понимающими ни грана в революционной диалектике, если бы, скажем, решили в 1917 году настаивать на „святом сохранении“ тех задач и лозунгов, которые поставлены были нами в 1905 году, только потому, что мы их так ставили в 1905 году, упуская из виду такой факт, как приход в феврале 1917 года буржуазии к власти, от чего в корне изменяются очередные тактические задачи партии в революции. Буржуазия побеждает в феврале 1917 года. Этой победой буржуазная революция заканчивается, революция перерастает исторический предел, поставленный классовыми интересами буржуазии. Буржуазия превращается в силу реакционную, в контр-революцию; чтобы революция углублялась, пошла в своем развитии дальше, движущей силой ее должен стать революционный пролетариат[1]).

Либо она дальше развивается, как революция пролетарская, либо гибнет, задавленная буржуазией, помещиками.

Партия большевиков решила поставить в порядок дня задачу борьбы за революцию пролетарскую, социалистическую. В этом кроется коренная перемена наших исторических задач, в этом покоится историческая диалектика, которую, очевидно, не хочет понять т. Троцкий, хотя на словах он чрезвычайно любит божиться в верности диалектике.

Никакого перевооружения большевизма перед Октябрем не было. Большевизм перевооружался только в той мере, в какой перевооружалась история. Большевизм победил только потому, что его вооружение было блестяще подготовлено, он мастерски выполнил свой исторический план, потому что десятилетиями готовился к нему и соответственно вооружался.

Менялся характер революции, перевооружалась история, если вообще допустимо говорить о перевооружении истории. Менялась тактика большевиков. Но это перевооружение далеко не то, о каком идет речь у т. Троцкого.

Большевизм после опыта революции 1905 года допустил некоторое перевооружение, но оно было подобно перевооружению

---

[1]) „Революционность“ буржуазии в феврале была весьма относительная, ибо характерной особенностью русской буржуазной революции было то, что пролетариат был единственной революционной силой.

армии после всемирной войны: переход к более усовершенствованному оружию (использование авиации, химии). Можно ли, однако, назвать техническое или тактическое перевооружение империалистических армий идейным перевооружением империализма?

Разумеется, нельзя. Мы привели эту аналогию для того, чтобы показать, насколько чудовищной и абсурдной выдумкой является доказательство т. Троцкого об „идейном перевооружении большевизма“. Если логически продолжить рассуждения в духе т. Троцкого, то можно притти к выводу, что каждый крутой поворот в тактике и политике большевиков, на которые (повороты) был такой мастер Ленин,— можно рассматривать как идейное перевооружение. Последнее выступление т. Троцкого с теорией перевооружения большевизма перед Октябрем направлено фактически к разоружению большевизма в настоящий момент. Развивая теорию перевооружения перед Октябрем, он указывал на исторический прецедент, который дает благородный повод добиться разоружения большевизма-ленинизма тогда, когда это потребуется троцкистам.

Открывая своеобразный „скачок“, якобы, допущенный в тактике большевиков в октябре 1917 года, он пытается узаконить такие скачки, которые еще по его прошлогодним „рецептам“, будто бы, обязана была сделать ленинская партия; рассказывая исторические „истины“ о большевистской эволюции, о ленинском перевооружении перед октябрем и в октябре 1917 года, он не прочь добиться от ленинизма эволюции, самоперевооружения в 1925 году. Распространяя легенды о том, как шло „перевооружение“ большевизма в Октябре, он имеет еще в виду „порассказать“ молодым партийным поколениям, что перевооружался-то большевизм ни как иначе, как только по планам старого троцкизма!

В этом коренной исторический смысл последнего выступления т. Троцкого. Это есть неудачная попытка задним числом выдать оправдательный вексель явно обанкротившейся троцкистской теории движущих сил революции, заведомо потерпевшей историческое поражение.

История предала ее мертвому забвению, между тем, т. Троцкий старается поднять из мертвых то, что исторически разбито, погребено.

Гальванизация трупа теории „перманентной революции“ на 8-м году рабоче-крестьянской власти есть самое неподходящее, самое бесплодное, самое никчемное занятие. Но это занятие было бы только праздным занятием, быть-может, только академическим исследованием исторических ошибок людей и партий, которое мало трогает текущие интересы партий и революции, если бы вся философия истории т. Троцкого не была направлена против ленинизма с определенной политической фракционной целью разоружения большевизма.

Мертвый хватает живого.

Последнее выступление т. Троцкого с пресловутыми „Уроками Октября“ не есть случайное литературное выступление, как не случайно возникла в конце 1923 года внутрипартийная дискуссия центральной фигурой которой был т. Троцкий. В этом обнаруживается своя определенная закономерность, движущие пружины и предпосылки которой лежат глубоко в той объективной общественной обстановке современных классовых отношений, которые чрезвычайно противоречивы. Невинная „попытка“ или „попыточка“ оправдать задним числом свои исторические ошибки на деле, однако, далеко не является невинной, если посмотреть, как говорил Кузьма Прутков, „в корень“, если от литературной дискуссии перейти к анализу общественно-классовых отношений, которые растут и развиваются по новым общественным каналам. Выше мы указали, как возникает и проявляется внутри рабочего класса мелкобуржуазная реакция против социализма. Сложная ткань общественных отношений, как паутина, со всех сторон опутывает рабочий класс, проникает во все его классовые поры, затемняет, рассасывает его идеологию, и под влиянием этого наименее устойчивые, наименее культурные, наименее сознательные слои рабочих часто плетутся в хвосте буржуазии, блокируют с реакцией, поддерживают ее против партий, подлинно революционных, поступая наперекор своим историческим интересам. Крестьянство—законный носитель мелкобуржуазной стихийности, анархии—чрезвычайно опасно для рабочего класса, если оно выходит из-под его гегемонии, руководства, если оно разрывает с ним союз. Мелкобуржуазная анархическая оппозиционная стихия сравнительно быстро и легко проникает в рабочий класс, ибо рабочий класс еще сохраняет свои корни в деревне, а за время гражданской войны эта связь значительно усилилась. Пока сохраняются товарные отношения города с деревней, крестьянство останется неизменным, услужливым поставщиком беспрерывного формирования новых классов. В этом отношении для деревни законы внутреннего экономического развития мало чем изменились за революцию. Крестьянство попрежнему выделяет по одной исторической линии пролетариат, по другой—буржуазию.

Этим фактом объясняется наблюдающееся обострение классовой борьбы в стране, которая зачастую под видом самого невинного прикрытия проникает и будет проникать даже в партию. Избежать этого невозможно, как невозможно избежать классовой борьбы в классовом обществе, ибо не борьба классов определяет классы, а, наоборот, наличие классов определяет классовую борьбу.

Если налицо существуют классы, многомиллионные мелкобуржуазные крестьянские элементы, опирающиеся на хозяйственную базу, покоящиеся на товарных отношениях, то отсюда неизбежно развитие противоречий и классовой борьбы, а это

в конечном счете ведет к колебаниям внутри пролетариата, в первую очередь, в тех слоях которые наиболее связаны с мелкой буржуазией, с крестьянством, которые в силу своей органической связи становятся идейными выразителями крестьянских чаяний.

Элементы отсталости, инертности есть в рабочем классе, и они сказываются особенно в период упадка и отливов революционной волны. Тогда усиливается мелкобуржуазная стихия, усиливая колебания и внося разложение в ряды менее устойчивых слоев рабочего класса. Верно это положение не только в отношении капиталистических стран, но и в отношении стран советских; то же самое мы наблюдаем и у нас, ибо в Советском Союзе еще огромнейшую силу представляет из себя мелкобуржуазное крестьянство. И оно развивается, экономически усиливается, оформляется его товарность. Крестьянство было и остается тем союзником пролетариата, блок с которым решил в нашу пользу исход революционной борьбы в Октябре и исход гражданской войны, но оно в то же время остается и поныне нашей опасностью, оно—тяжелый груз, лежащий на плечах пролетариата, который отягощает и задерживает его продвижение по пути к социализму. Оно—рассадник большинства существующих противоречий, оно же своим гигантским давлением порождает колебания во взаимоотношениях классов.

Внутрипартийная оппозиционная дискуссия, и в том числе новейшее выступление т. Троцкого, есть в конечном счете отражение, хотя и очень отдаленное, идейного колебания наиболее неустойчивых слоев партии, вызываемое давлением крестьянской стихии. Тов. Троцкий чувствительно воспринимает эти черты общественного колебания классов в стране, первым предоставляя охотно свои услуги реакционной стихии (разумеется, сам того не чувствуя), очевидно, потому, что он сохранил в себе идейные пережитки старого троцкизма. „Прегрешения молодости“ здесь сказываются несомненно. Старая традиция неизменно сказывается и на теперешней позиции т. Троцкого.

Здесь „мертвые тащат живого“, т.-е. мертвая, историей осужденная, забытая идейно-политическая линия т. Троцкого, однако, периодически проявляется, превращая его в игрушку оппозиционных сил, борющихся с большевизмом. Под прикрытием самых „левых“, самых „революционных“ намерений и фраз, она (традиция) неизбежно превращает его в орудие мелкобуржуазных колебаний партии, в слепое орудие противоречий, в инструмент мелкобуржуазной стихии, идущей против единства партии, не примирившейся с классовой устойчивостью, с классовой целостностью и твердокаменностью большевизма. Такую,—увы!—злую и бесполезнейшую для партии ленинизма шутку сыграла история с тов. Троцким и теперь.

Пусть его „Уроки Октября“ есть попытка „писать историю“, тем не менее, она вне и помимо, быть-может, желаний автора оказалась ф р а к ц и о н н о й в ы х о д к о й „критической личности“, громовержцем обрушивающейся на „оппортунистов“, сидящих на

командных высотах ЦК! Так, и только так, надо подходить к „Урокам Октября“ т. Троцкого для того, чтобы понять настоящий урок, вытекающий для партии из этого выступления.

Ленин частенько указывал, что всякий, теоретически отвлеченный спор, однако, при ближайшем рассмотрении, всегда имеет под собой определенную социальную базу, определенные предпосылки классовой борьбы, которые так или иначе отражается в этом споре.

Без общественных предпосылок в стране политических дискуссий в партии почти не бывает. Тов. Троцкий года 3—4 назад написал прекрасную книгу, направленную против Каутского, в которой он с мастерством разбирает проблему отнощений надстройки к материальному производственному базису. К сожалению,, очень часто бывает так, что люди, ясно понимающие чужие ошибки, тем не менее, архиплохо видят собственные, хотя по природе они одинаковы с теми. Не мешало бы в происходящем идейном споре тов. Троцкому самому понять, что за его позицией, или, вернее, постоянной оппозицей, кроются глубокие общественные предпосылки, которые являются не только продуктом небольшевистского прошлого т. Троцкого.

Под политическим самоопределением т. Троцкого лежит глубокая предпосылка, под влиянием которой он становится неизменным рупором определенных социальных политических течений в стране и, разумеется, в первую очередь, рупором мелкой буржуазии, хотя выступает в ультра-левых одеждах.

Правде надо смотреть в глаза прямо. Вещи должны называться своими именами. Опаснее всего замазывать существо тех разногласий, которые возникают в партии с т. Троцким.

„Мертвые тащат живого“—понимается нами в том смысле, что, будучи в прошлом сторонником меньшевистской линии в политике партии, не понимавший, как мы увидим ниже, исторический смысл революционных событий, ошибавшийся в оценке движущих сил русской революции и потому лишенный возможности верно оценить политические задачи рабочей коммунистической партии, т. Троцкий болеет этими пережитками еще и теперь.

История троцкизма в прошлом есть довольно-таки своеобразная драма революционера-одиночки в русском рабочем движении. Десятки лет боролся т. Троцкий, имея самые благие желания объединить большевиков и меньшевиков. Тов. Троцкий всю свою жизнь не понимал, что разделяет меньшевиков от большевиков—этим непониманием объясняется и то, что из его попыток объединить меньшевиков и большевиков выходил сплошной конфуз, сплошная ошибка. Разумеется, от таких благих „объединительных“ услуг ленинская часть революционных соц.-демократов (большевиков) обычно терпела крупнейшие помехи в деле организации революционных партий, в деле подготовки к революции рабочего класса и крестьянства.

С ленинской откровенностью надо подходить к троцкистским попыткам т. Троцкого. Как ни печально, а факт остается бес-

спорным: т. Троцкий повторяет часть своих прошлых ошибок, которые он допустил, когда он шел против большевизма, когда боролся с Лениным.

„Мертвые тащат живого!“ Прошлые ошибки превращены толкованием т. Троцкого в „истину современной революционной политики ленинизма“, исходя из которой, только, будто бы, и возможна была победа в Октябре. О чем говорит новейшее выступление т. Троцкого? Слепое упорство человека в прошлых ошибках, их оправдание, непонимание, или, вернее, несознание глубины своих теоретических и политических поражений—вот что можно почерпнуть из „уроков“ оппозиционных выступлений т. Троцкого. Вся беда его состоит в том, что он не может понять историческую подготовку большевизма, его вооружение к Октябрьской революции. Не понял т. Троцкий и ленинизма, несмотря на то, что он собирается написать книгу о теории и тактике ленинизма.

Тов. Троцкий очень много писал, пишет и любит писать о необходимости „преодоления застарелой, закостенелой традиции“. В прошлом году, во время внутрипартийной дискуссии, он построил на эту тему свою оппозиционную теорию о молодежи и стариках, выдвинул на обсуждение партии вопрос о поколениях.

Громы и молнии метал т. Троцкий против „косной партийной традиции“, которая, господствуя и „владея умами“ аппаратчиков, губит партию. Долой традицию большевистских принципов. Да здравствует „новый курс“! Очень хорошо было бы, если бы т. Троцкий оказался последовательным и, прежде всего, так поступил с собственными меньшевистскими традициями, которые воочию видит партия, и которые она единодушно и решительно осуждает. К сожалению, у т. Троцкого нет ни малейшего желания исправить, пересмотреть свои традиции, наоборот, он не прочь навязать партии свои мертвые теории, ведущие к полному разрыву с ленинизмом, с исторической традицией большевизма. Разительнейшие противоречия скрываются у т. Троцкого под лозунгом „борьба с косной традицией“.

Было бы полбеды, если бы только старый, дореволюционный мертвый троцкизм тащил против воли живого теперешнего т. Троцкого. На самом деле происходит хуже: дореволюционные пережитки тащат т. Троцкого от ленинизма не против его воли, а по воле, ибо сам т. Троцкий сообщает невежественному миру, что он, вообще говоря, „перевооружил“ вместе с Лениным большевизм в апреле 1917 года.

Как, в самом деле, стройно выходит! Перед Октябрем большевики отказались от старых традиций, перевооружились в троцкистские доспехи и... победили.

Какими, однако, наивными людьми надо считать всех для того, чтобы оперировать так с историей подготовки Октября.

Надо решительно рассеять такого рода басни, ибо они затемняют сущность вопроса. Партия не может равнодушно относиться к таким политическим выступлениям.

Было бы детской наивностью полагать, что критическое нападение на „Уроки Октября“ т. Троцкого обусловливает подоплека личных отношений или прочих закулисных „козней“ со стороны ЦК. Было бы чудовищной басней мещанско-обывательских кумушек с политического рынка видеть в текущей дискуссии „драку“ на почве личных отношений т. Троцкого с руководящей группой ленинцев. Сущность происходящего теоретического политического спора лежит в коренном расхождении понимания существа ленинизма.

„Война на коленях“

Повторяющиеся выступления т. Троцкого против ленинизма— не простая случайность. Здесь, повторяю, как об этом было сказано выше, переплетаются две тенденции: первая традиция прошлого—меньшевистская политическая платформа, которую отстаивал т. Троцкий в истории рабочего движения, его беспрерывная борьба с большевизмом, стыдливое сожительство с меньшевизмом, и вторая трудности, лежащие на пути развития компартии в настоящий момент, вызванные усилением мелкой буржуазии, укреплением крестьянства и усилением мелкобуржуазной идеологии, носителем которой является кулацкая имущая верхушка деревни. Все это воскрешает в новой подоплеке, в новой форме меньшевизм, прикрывающийся большевистской советской фразеологией. Именно это есть самое главное, что лежит в основе политических и тактических побуждений к такого рода „урокам“, с какими выступил т. Троцкий.

Тов. Троцкий пришел, как он говорит, к ленинизму с „боями“, через величайшую драку, происходившую на протяжении десятилетий. Разумеется, никто не намерен упрекать его в том, что он пришел к Ленину „с боями“. Разумеется, могут быть вполне хорошие большевики из числа таких людей, которые в свое время боролись с большевизмом и шли к нему с боями. Мы спорим меньше всего о том, кто и как шел к Ленину, хотя это последнее имеет немаловажное историческое значение для нас. Важно, однако, то, что т. Троцкий, разбитый ленинизмом, поставленный им на колени, тем не менее, вместо того, чтобы раз и навсегда сложить оружие и сдать в архив свою троцкистскую амуницию, вместо того, чтобы сказать: „я ошибался, не понимал того, чему учил партию ленинизм“, он поступает иначе. Указанием на то, что он *пришел* „с боями“, он оговаривает за собой *право повторять бои с большевизмом*, бунтовать против ленинизма. Тов. Троцкого упрекают не за то, что он пришел с боями, а за то, что он остается в партии только с боями. Его упрекают не за то, что он был когда-то меньшевиком, или временами находился в сожительстве с меньшевизмом, а за то, что он *остается выразителем тенденций*, напоминающих меньшевизм, за то, что он, прикрываясь мишурными, внешне отшлифованными фразами, фактически ведет ревизионистскую линию по отношению к ленинизму.

Когда дело доходит до этого, встает неизбежно вопрос: что выбирать — троцкизм или ленинизм? Есть, однако, еще много людей, которые совершенно искренно требуют осудить т. Троцкого за его теперешнюю ошибку, допущенную выступлением с „Уроками Октября", решительно требуют от партии дать самому т. Троцкому пару уроков, чтобы они пошли ему впрок, чтоб не пропали даром, но в то же время, однако, считают, что его последнее выступление есть только своеобразная бестактная шалость, ибо троцкизма в партии нет, и за троцкизмом никто не пойдет, да и сам-то т. Троцкий не „отважится" строить теорию, противоположную ленинизму!

Так ли это на самом деле,—посмотрим. Мне сдается, что в такой бесхребетной позиции кроется либо политическое невежество, полнейшее непонимание, чем отличается троцкизм от ленинизма, либо хитрая „наивность"—при внешнем осуждении сохранить внутреннее сочувствие троцкизму. Это, как верно заметил в одной из своих статей т. Сталин, есть просто „дипломатическая защита" троцкизма.

Кое у кого такой грех встречается. Допустима ли такая позиция? Нет, абсолютно недопустима. Троцкизм есть в партии, он стремится поместиться под крышей большевизма-ленинизма, он судорожно пытается легализоваться в партии, хотя бы в виде скромных „поправочек" к ленинской теории. Опасно прямо выступать против ленинизма: каждая такая попытка приведет к неминуемому поражению, — надо искать обходных путей. Ревизионисты всегда шли окольными путями, услужливо поправляя „устарелые" пункты марксизма, устарелые стороны классовой тактики.

Троцкизм в партии есть, он не выдуман, а реально существует. Это мы наблюдаем впродолжение всей революции. Факты? Первый факт—расхождение т. Троцкого с партией во время Бреста, второй факт—профессиональная дискуссия, третий факт—борьба вокруг экономики (недооценка крестьянства и политического значения „рабоче-крестьянского блока"), четвертый факт—прошлогодняя внутрипартийная диссуссия и пятый—теперешнее выступление с „Уроками Октября".

Почти ежегодно, неизменно, как своеобразные периодические циклы, имеющие под собой закономерно действующие пружины, троцкизм дает партии себя чувствовать. В каждом из перечисленных моментов т. Троцкий выступает в роли вождя оппозиции против большинства партии, в роли человека, представляющего „особую линию".

Достаточно сколько-нибудь поверхностного взгляда на историю политической линии т. Троцкого в послеоктябрьскую эпоху, без затраты больших усилий на изучение ее принципиальной подосновы, чтобы убедиться вполне в том, что во всех решающих коренных вопросах революции и внутрипартийной политики троцкизм занимал особое положение, свою особую линию, направленную против ленинизма, построенную на отрицании ленинских принципов. Только слепой может не видеть и не подмечать глу-

бокий ров, размежевывающий ленинизм от троцкизма. Троцкий всегда отстаивал и отстаивает и, повидимому, не может не отстаивать свою особую линию, которая очень многими своими чертами напоминает старую дореволюционную, троцкистскую, бесхребетную, беспринципную соглашательскую позицию.

Поэтому совершенно правы те, которые указывают, что к изучению троцкизма надо подойти не только на основе сегодняшних разногласий, не только изучая, что и как он написал в своем введении к „1917“, или что он написал неленинского в книге о Ленине,—все это очень важно и все это надо до конца разоблачить, ибо на книжках Троцкого, как и на книжках других теоретиков революции, доверчиво воспитывается наша коммунистическая молодежь, выдвигающиеся новые партийные кадры,—но это будет только ползадачи, между тем, партии необходимо разоблачить выросшие разногласия до полной наготы и показать, что вся подоплека троцкизма покоится на антиленинской, антибольшевистской политической позиции.

ГЛАВА II.

Большевизм—меньшевизм—троцкизм.

Два метода изучения истории партии.

Нежданно, негаданно партия оказалась поставленной перед необходимостью снова заняться разбором, изучением и оценкой своей 25-летней революционной истории. Вынуждено это было попыткой тов. Троцкого произвести в своих „Уроках Октября“ переоценку некоторых наиболее значительных этапов в развитии большевизма, которую он предпринял, руководствуясь благим намерением „помочь“ молодым поколениям РКП и Коминтерна в целом п о н я т ь уроки Октября, извлечь для себя то, что есть в этих уроках наиболее ценного, бессмертного и необходимого для предстоящей революционной борьбы в Европе, что способно научить молодые руководящие кадры мирового коммунистического движения теории и практике ленинизма. Как видим, намерение не только благое, но прямо-таки прекрасное.

Нет более верного средства для подготовки тысяч, десятков тысяч передовых вожаков мирового революционного рабочего движения, как воспитать наиболее передовых, наиболее активных членов компартии на историческом опыте большевизма, на уроках блестящей победы большевистской партии и ленинской теории в России в октябре и позже.

> „Не следует ли возгласы приветствия по адресу Советской власти и большевиков,—писал Ленин в 1920 г.,—п о ч а щ е сопровождать с е р ь е з н е й ш и м а н а л и з о м причин того, почему большевики могли выработать необходимую для революционного пролетариата дисциплину?“ (Н. Ленин, Собр. сочин., т. XVII, стр. 118).

„Почаще“ да „серьезнейшим анализом“ Ленин рекомендует изучать причины, почему большевики смогли построить себе такую партию, выработать необходимую для победы дисциплину, и почему они достигли решающей победы в Октябре.

Словом, Ленин придает важнейшее, если не сказать: решающее значение изучению западно-европейскими марксистами причин и условий победы большевизма в Октябре.

Но как, однако, отличается „призыв“ тов. Троцкого в 1924 г. от того, что писал Ленин в 1920 г.!

> „В период от Февраля до Октября,—пишет т. Троцкий,—на основе широчайшей агитационной и организационной работы в массах шел последний (почему последний? И. В.) осмотр и отбор оружия партии перед решающим боем. В Октябре и после Октября это оружие было проверено в гигантском историческом действии. Теперь, несколько лет после Октября, заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г. значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики“. (Л. Троцкий, т. III, ч. 1-я „Уроки Октября“, стр. XVI).

И дальше, на следующих страницах, тов. Троцкий намерен более основательно развить и углубить это положение.

> „Изучение хода разногласий между Февралем и закреплением октябрьского переворота представляет не только исключительный теоретический интерес, но и неизмеримое практическое значение. Разногласия, вскрывшиеся на II съезде, в 1903 году, Ленин назвал в 1910 г. „антиципацией“, т.-е. предвосхищением. Очень важно прослеживать эти разногласия, начиная с их истоков, т.-е. 1903 г., и даже ранее того, например, с „экономизма“. Но это изучение получает смысл лишь в том случае, если оно доводится до конца и проводится через тот период, когда разногласия подверглись решающему испытанию, т.-е. через Октябрь“ (Л. Троцкий „Уроки Октября“, стр. XXII).

Эти две цитаты достаточно отчетливо показывают подход тов. Троцкого к изучению уроков Октября—во-первых, и его точку зрения на историю большевизма—во-вторых. Для него оценить и понять разногласия, возникшие еще в 1903 г., на II съезде партии, можно только таким анализом, который „проводится через тот период, когда разногласия подверглись решающему испытанию, т.-е. через Октябрь“.

Иначе говоря, по тов. Троцкому выходит: не будь Октября, **невозможно было бы вообще понять смысл разногласий в рядах РСДРП, имевших место на протяжении более 15 лет.**

„Схоластика“,—провозглашает тов. Троцкий,—заниматься исследованием, кто какую точку зрения имел на характер революции до Октября, когда есть полная возможность проверить на опыте Октябрьской революции основные взгляды и позиции партий и людей! Изучение принципиальных позиций и взглядов партий, борьбу фракций за весь исторический век большевизма он сводит к одному знаменателю: критерием **всей** истории, **всех** важнейших направлений и разногласий у него является **поведение** партий и отдельных групп в Октябре.

Тов. Троцкий почти пренебрежительно игнорирует значение

разногласий до Октября, для него это—факт „второстепенного“ и „третьестепенного“ значения, приобретающий кое-какую ценность только в освещении разногласий, возникших в партии вокруг Октября.

Абсолютно прав т. Сталин, указавший в своем докладе на коммунистической фракции VI съезда профсоюзов, что тов. Троцкий „разрывает“ историю большевизма на 2 части. Марксистский ли это подход?

Тов. Троцкий подвергает „уничтожающей критике“ тех „закостенелых консервативных дьячков“ и начетчиков, которые к анализу истории разногласий подходят не как ленинцы-марксисты, а как схоластики и сухие формалисты.

Разумеется, схоластика и „сухой формализм“ не имеют ничего общего с ленинизмом, насквозь диалектичным.

Однако, по-марксистски, по-ленински ли подходит он, когда разрывает историю большевизма на две части? Нам кажется, в таком методе весьма мало марксистского, хотя он и божится в твердокаменной вере и преданности марксизму. От такого, якобы, „ультрамарксистского“ обращения с историей, вместо подлинного исторического анализа, произошла самая заурядная эклектическая, троцкистская мешанина и безбожная фальсификация истории. Происходит это, быть-может, против воли и намерений самого автора,—но факт остается неумолимым.

Тот, кто хочет подходить по-марксистски, по-ленински к урокам Октября, к изучению условий и всех исторических предпосылок подготовки к Октябрю рабоче-крестьянских масс России, тот не может пойти по пути методов Троцкого.

> „Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 г.; только история большевизма за в е с ь период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата“ (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 118).

Имеет ли эта блестящая цитата Ленина какое-нибудь, хотя бы самое отдаленное, сходство с тем, что пишет теперь тов. Троцкий? Нет даже никакого намека на это.

Заметьте, что Ленин особенно подчеркнул слово „в е с ь“. Он как-будто предвидел, что появятся такие „историки“ большевизма, которые будут не прочь выбросить за борт дооктябрьский период, как „малозначительный“ старый хлам.

Вот вам образец одного из многих примеров, доказывающих, как „по-ленински“ объясняет тов. Троцкий уроки Октября. Вот вам уже маленький, но достаточно яркий пример п р о т и в о п о л о ж н о с т и т р о ц к и с т с к о г о м е т о д а л е н и н с к о м у м е т о д у и з у ч е н и я п а р т и й н о й и с т о р и и.

Выступление тов. Троцкого поставило партию перед необходимостью разобрать до основания политическое направление троцкизма, его социальную подоплеку, и разобрать за весь период

борьбы троцкизма против ленинизма. Без этого нельзя составить сколько-нибудь полного представления о ревизионистской опасности, угрожающей революционной теории ленинизма.

История фракционной борьбы внутри Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (РСДРП) есть, пожалуй, единственный в своем роде классический пример того, как и в каких формах протекает на фоне общеклассовых противоречий общества внутренняя борьба в недрах самого рабочего класса и, в первую очередь, в недрах рабочей партии.

Партия постоянно отражает лицо класса. Борьба партий есть не что иное, как воспроизведение борьбы классов.

Непримиримые фракционные противоречия, разорвавшие фактически в 1903 году РСДРП на две враждующие части, на две фракции, а позже на две партии, показывают, что за руководящую роль в рабочем классе и в рабочей партии (РСДРП) боролись два классовых направления: 1) революционно-классовое рабочее и 2) реформистское, буржуазно-либеральное. Первое отстаивало чистоту, „ортодоксальность" революционного марксизма, рассматривая марксизм, как учение о революционном низвержении капитализма, о неизбежности социалистической революции, о необходимости рабочему классу в целом и его политической партии, в первую очередь, подготавливаться к этому, как к задаче исторически неизбежной. Второе провозгласило марксизм „устарелым", сначала робко, боязливо, устами Эдуарда Бернштейна, Давида и К° начало проповедывать необходимость „исправить", „дополнить" Маркса в теории и на практике. Сторонники этого направления построили реформистскую политику, рассчитанную на компромиссы, соглашательство, прикрытое, а впоследствии и обнаженное, откровенное сотрудничество пролетариата с господствующими классами.

> „В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительную основу марксизма, именно учение о классовой борьбе" (Н. Ленин, „Теория и практика диалектического материализма", стр. 312, изд. Комакадемии, 1924 г.)

В марксизме образовались два полюса: первый—революционно-пролетарский и второй—буржуазно-реформистский.

На одном полюсе расположились сторонники классовой борьбы, на другом—сторонники классового сотрудничества.

Если рассматривать историю фракционной борьбы в РСДРП в разрезе данных противоречий, то становится абсолютно ясным, что тут мы имеем дело не с узко-национальными, „местными" условиями и чертами организационного развития партии, не с „аномалией", присущей только каким-то „сверхненормальным" условиям тогдашней России. Перед нами типичнейший, классический пример наиболее четкого организационного выражения процесса развития марксизма, черты которого оказались присущими не только истории РСДРП, но почти полностью повторились в истории II Интернационала, объединявшего в свое время все наиболее значительные социалистические рабочие партии Европы,

Политические направления марксизма в России.

В последнее десятилетие XIX века и в начале текущего, борьба двух тенденций, двух политических направлений в марксизме, приняла всеевропейский характер. Прудонизм, бакунизм, бланкизм, народничество и анархо-синдикализм оказались марксизмом теоретически разбиты. Если еще на заре истории пролетариата эти теории и пользовались влиянием на широкие слои рабочих, то с развитием промышленности и классового оформления промышленных рабочих перечисленные теории неспособны были дальше сохранить свое влияние. Всякий, кто хотел выдавать себя за сторонника и политического союзника рабочего класса, обязан был признать марксизм.

Партия, желающая бороться за пролетарскую революцию, обязана признать революционную теорию марксизма, должна встать на идейную базу марксизма. Открытая борьба с марксизмом заранее обречена на поражение. Война с марксизмом, а, стало-быть, с рабочим классом, стала возможной только под прикрытием марксизма, внутри марксистской теории, в самом лагере социалистического пролетариата. Такую роль „внутреннего врага“ и разрушителя взяло на себя правое оппортунистическое крыло международной социал-демократии. Правое либерально-демократическое крыло социалистов занялось „очисткой марксизма от всего того, что в нем есть революционного“, „дополнением“ его новейшими достижениями идеалистической философии, исправляя его под углом задач мелкобуржуазной демократии,—словом, ревизионисты, реформисты-соглашатели ставили своей задачей дочиста выскрести, высосать из марксизма его существо, его революционную классовую сердцевину. Так они намерены были справиться с марксизмом. Ибо совершенно очевидно, что без своего классового революционного существа марксизм превращается в собственную противоположность, противоположность учения о революционном восстании пролетариата, о революционном низвержении существующего капиталистического общества. При идейной кастрации правыми реформистами марксизм превращался в заурядную политическую теорию, вполне совместимую с буржуазной демократией. Это занятие по превращению марксизма в теорию „вечного и незыблемого сохранения существующего порядка“ впервые было присвоено себе группой немецких социал-демократов, „ревизионистов“. К ним косвенно присоединялись матерые реакционные апологеты русской буржуазии, в роде струвистов и „квазимарксистов“ типа Туган-Барановского, в хвосте которых, „теоретически открещиваясь“, плелись герои компромисса и классового сотрудничества, наши меньшевики.

Этому опошлению и извращению марксизма противостояла вторая тенденция: сохранения революционного существа марксизма. Она неустанно, беспрерывно боролась за проведение учения Маркса в широчайшие слои рабочего

класса, она организовывала десятки тысяч передовых европейских пролетариев в партии, построенные на революционной идеологии, с ясной и определенной программой, обнимающей задачи подготовки пролетарской революции.

Две исключающие друг-друга тенденции в развитии марксизма привели к непримиримой внутренней теоретической и политической борьбе в рядах социал-демократии. В последние годы эта борьба фактически перешла в формы гражданской войны.

Носке, Шейдеман прославились как Галифэ XX века, II Интернационал был с 1889 года по 1914 год общеевропейской ареной борьбы марксистов настоящих—против „марксистов" подложных, марксистов революционных—против „марксистов" антиреволюционных, марксистов, стоящих за низвержение старого капиталистического общества, против „марксистов", старающихся заменить революцию „постепеновщиной", реформистской, либерально-демократической эволюцией. Война покончила с революционной сущностью II Интернационала. Международная социал-демократия при первом ударе империалистической войны, рассыпалась, как карточный домик. Официальные вожди Интернационала перешли на сторону буржуазии. В 1914 году история поставила крест на II Интернационале, как на организации революционных социалистических партий.

Война была развязкой антагонистической, грабительской, хищнической природы современного империализма. Упершись в тупик собственных противоречий, империализм искал в войне развязку. Дредноуты, пушки, танки, цеппелины и смертоносные удушливые газы расчищали ему историческую арену. Будучи рискованнейшей попыткой империализма „отыскать выход", война на деле оказалась „роковой чертой" неминуемого исторического кризиса. Во время войны каждый честный социалист увидел, что единственным выходом из положения может быть только социалистическая революция.

Годы войны были периодом обнаженнейшей борьбы двух тенденций в международном социализме. Никогда до этого так остро не обнажались противоречия, никогда до того они не выливались в столь непримиримую форму. В результате этой борьбы правое крыло социализма вынуждено было открыто порвать с марксизмом и открыто перейти на сторону буржуазии [1]).

Революционные элементы, вожди и группы, преданные делу социализма и интересам рабочего класса, решительно порвали с партиями II Интернационала и, объединяясь под знаменем Октябрьской революции, учредили Коминтерн. Так исторически неизбежно произошел раскол социалистов на два лагеря.

Развитие РСДРП, образование фракций и раскол (на II съезде РСДРП) в 1903 году предвосхитили историю международного размежевания марксизма, достигшего своего завершения после

---

[1]) Идейным завершением этого разрыва с марксизмом является новая программа германской социал-демократии, теоретическое обоснование которой дает К. Каутский в книге „Пролетарская революция и наша программа".

войны. До революции 1917 года меньшевики, большевики и троцкисты формально сохраняли одну партийную программу, числились членами „единой“ социал-демократической рабочей партии. Но это единство можно считать весьма и весьма условным. Ибо на деле были две партии. Нормальным состоянием РСДРП было существование двух фракций и их непримиримая борьба. Развернувшись на заре социал-демократического движения в России, в дальнейших этапах партийного политического развития она только увеличивалась, более отчетливо и более ясно разгораживая глубокую пропасть, лежащую между левым революционным марксизмом, чисто-пролетарским, и правым реформистским „социализмом“ буржуазной демократии.

История показала, что Россия предвосхитила и оказалась в авангарде пролетарской революции отнюдь не случайно, как не случайно она предвосхитила интернациональный раскол марксистов на революционных, настоящих и либеральных демократов, лже-марксистов, типа вождей II Интернационала, на две партии со своими особыми идейно-политическими направлениями. В России это выразилось организационно в образовании меньшевизма и большевизма.

Первое время раскол русских социал-демократов рассматривался в Европе, как признак крайней их „недоразвитости“, крайней их „слабости“. Однако, дальнейшие годы развития внутрипартийной и общеполитической борьбы обнаружили совершенно иные предпосылки, опрокинувшие все предположения о „незрелости“ русского революционного рабочего движения.

Раскол был не случайный, а исторически неизбежный. Раскол вытекал из того, что в рядах социал-демократии оказались представленными два крыла, как представители и выразители различных классовых интересов. Одно крыло выражало интересы пролетариата, другое — интересы мелкой буржуазии и либеральной интеллигенции.

Вся история большевизма со II партийного съезда и поныне доказывает, что в основном вся внутрипартийная борьба в РСДРП протекала между двумя противоположными тенденциями. Разумеется, были и иные оттенки, возникали промежуточные течения, но всякое промежуточное течение, при всем желании сохранить „особый нейтралитет“, в конечном счете оказывалось придатком одного из двух: либо большевистского, что реже бывало, либо меньшевистского, что бывало чаще. Ибо всякое промежуточное течение и направление в политике является чаще оппортунистическим течением. Так, например, произошло и с троцкизмом. Троцкизм, „шумливо“ претендовавший на самостоятельное политическое существование и направление, в этой фракционной борьбе фактически постоянно занимал шаткую, межеумочную позицию, при чем, как всякое промежуточное течение, он неизбежно „попеременно“ вынужден был служить то одному, то другому из основных борющихся течений.

Некоторые склонны рассматривать троцкизм, как важнейший фактор внутрипартийной истории РСДРП. Нельзя сказать, чтобы

сторонники такой концепции встречались часто, они—одиночки, но, тем не менее, они встречаются. К тому же сам тов. Троцкий ни только не опровергает этого, а, наоборот, не прочь всемерно поддерживать такое мнение.

Так ли на самом деле? Нам кажется, это ни в малейшей степени не отвечает действительности. Ниже мы попытаемся проследить, в чем состоит пресловутая „историческая роль“ троцкизма. Заметим лишь мимоходом, что его исторические итоги прямо-таки нищенские. Общеизвестно для партии, что Ленин придавал ничтожнейшее значение троцкизму, как самостоятельному течению в партии. Объясняется это тем, что троцкизм никогда не имел массовых социальных корней, не имел социальной базы под собой. Построенная на звонкой революционной фразе, теоретически отвлеченных схемах, игнорирующая важнейшие движущие силы политической классовой борьбы (крестьянство), не имеющая у себя за спиной реальной поддержки, увлеченная перспективой, постренной из собственных абстрактных рассуждений, революционная программа тов. Троцкого была неизбежно обречена на поражение. Тов. Троцкий „плавал по поверхности“, вернее, весьма красиво „парил“, и только.

История шла мимо его программы. Жизнь делала свое дело, не обращая никакого внимания на троцкизм. Большевизм и меньшевизм, каждый по-своему, опирался на определенные классы, слои и общественные течения, так-сказать, на реальное соотношение классовых сил в стране; большевизм, скажем, требовал в борьбе с царизмом и помещиками опереться на пролетариат и крестьянство, меньшевизм звал пролетариат к сотрудничеству, к сделке с капиталом, к поддержке буржуазии, к соглашению с либеральными кадетами,—в том и другом случае, есть налицо реальная программа. Троцкизм занимался либо прислужничеством одному из течений, преимущественно меньшевизму, либо проповедывал свою „особую“ капризную линию, построенную на сыпучем песке отвлеченных теоретических положений о „перманентной революции“ и подобного рода вещах, теоретически заведомо ошибочных, неверных, а практически вредных, опасных для рабочего класса.

В историческом процессе развития рабочего класса господствующими были два направления — меньшевистское и большевистское. Повторяем, троцкизм с внешней стороны, будучи самостоятельным политическим направлением, однако, в своей подоплеке опирался на меньшевизм. В той же части, в которой он стремился обособиться, отмежеваться от меньшевизма, он обычно обнаруживал свою беспочвенность, оказывался лишенным сколько-нибудь широкого влияния в массах. Этим отчасти объясняется своеобразное одиночество тов. Троцкого, постоянное, беспримерное одиночество вождя в истории рабочего движения. Разумеется, как всякое одиночество, тяжело тяготеющее, одиночество тов. Троцкого побуждало и толкало его искать „объединительные комбинации“, благим сторонником которых он оставался до последнего времени. Когда же тов. Троцкий ока-

зывался поставленным перед практическими задачами партийной политики, нужна была опора—один в политике не воин!—он в этих случаях почти неизменно ищет опору только у меньшевиков. Этим самым объективно он выполнял роль меньшевистского промежуточного течения, непримиримо и постоянно борющегося с большевизмом.

Меньшевизм и большевизм.

Отчасти выше мы формулировали те коренные исторические предпосылки, какие разделяли и разделяют меньшевизм от большевизма. Нас завело бы в слишком глубокие дебри истории и социологии и отвлекло бы от той прямой задачи, какая поставлена перед нами, если бы мы пожелали дать исчерпывающий и полный анализ всех разногласий,—поэтому мы ограничились беглыми замечаниями, да и то лишь по разногласиям исторически коренным, исходным.

Из них мы избрали для рассмотрения следующие: 1) о характере русской революции; 2) о роли пролетариата в революции; 3) оценка роли и задачи партии; 4) организационные вопросы; 5) о крестьянстве; 6) о демократии и диктатуре. Мы сознательно отказываемся от расширения перечня вопросов, ибо, во-первых, перечисленные шесть пунктов являются наиважнейшими, во-вторых, они гарантируют полную возможность установить по существу все наиболее решающие моменты расхождения программно-политического и тактически-организационного характера. Тем более, что нашу задачу чрезвычайно облегчила Октябрьская революция, осуществившая диктатуру пролетариата, поставившая у власти партию большевиков,

Наша задача становится исключительно простой, ибо история сама сделала необходимый вывод. Исторический критерий есть самый лучший и наиболее верный. Мы знаем таких людей, как Ленин, Маркс, которые с присущей им гениальностью владели способностью давать поразительные по своей точности и безошибочности исторические прогнозы классовых отношений, умели поразительно верно раскрывать законы, лежащие в основе общественного развития, их направления и этапы, их сложную, причудливую диалектику, но, разумеется, даже такие гиганты-гении науки не в состоянии сравняться с тем, что дает исторический опыт.

В бухгалтерии истории пролетариата Октябрьская революция подвела точнейший пассив и актив большевикам и меньшевикам. Было бы чудовищно смешно подводить итоги задним числом и теоретически спорить вокруг доказательств, кто был прав. Сидя на исторической могиле меньшевизма, справивши по нем тризну, смешно так рассуждать. Ежели, тем не менее, мы отчасти занялись этим вопросом, то потому, что выступление т. Троцкого,—намеренно или не намеренно,—это нисколько не меняет существа вопроса,—направлено к реставрации меньшевизма, хотя это и предподносится чуть ли не под маркой „ортодоксального ленинизма“.

Перейдем к разбору разногласий меньшевиков и большевиков по существу поставленных нами выше вопросов.

Первое расхождение—оценка характера русской революции. С 1903 года до Февральской революции 1917 г. обе фракции (большевики и меньшевики) сходятся на одной позиции в оценке предстоящей революции в России.

Предстоящая революция может быть только буржуазная. Эта позиция нашла свое программно-тактическое выражение в следующих строках:

„В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого, докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата. Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1) Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату". (См. программа РСДРП, принятая на II съезде).

Это выражало не только формально, но и по существу взгляды обеих фракций. Резкие расхождения появляются по тактическим вопросам: как обеспечить победу буржуазно-демократической революции, и какова природа движущих сил русской революции? Но об этом речь идет ниже.

Однако, позже между большевиками и меньшевиками произошел разрыв по этому безусловно решающему вопросу.

Меньшевики, сделавши вывод о буржуазном характере грядущей русской революции, догматически замерзли на этой позиции и поныне не хотят сходит с нее. Большевики подошли к проблеме революции диалектически. Будучи в 1905 году последовательными сторонниками того взгляда, что предстоящая революция может быть только буржуазно-демократической, в 1917 г. они встают на новую позицию, провозглашают про-

грамму: борьба за диктатуру пролетариата, защищают идею социалистического переворота. В этой „перемене позиций“ сказалась ленинская диалектика.

С Февральской революции наступает окончательный разрыв большевизма с меньшевизмом по вопросу о характере русской революции. Меньшевизм, последовательно отстаивая идеи буржуазно-демократической революции до Октября и после Октября, разумеется, логически должен был перейти на сторону буржуазии. На деле так оно и вышло: меньшевизм стал поддерживать буржуазию в борьбе с компартией, в союзе с ней он выступает против диктатуры пролетариата.

Не есть ли в этой „перемене позиций“ то пресловутое „перевооружение перед Октябрем“ в том смысле, как это понимает т. Троцкий? Нам сдается, что нисколько. Здесь произошло не „перевооружение большевизма“, а борьба большевизма за исторически новые задачи пролетариата, за социалистическую революцию в условиях исторически совершенно иных.

Мы оперировали старым испытанным большевистским оружием на совершенно новых, исторически иных позициях пролетариата. Мы должны были бы неизбежно перевооружать свою партию только в том случае, если бы на этих новых исторических этапах старое партийное оружие большевизма оказалось непригодным.

Факт нашей победы в Октябре показывает, что оно было вполне хорошим. Рассуждения „о разоружении“ есть пустая, праздная забава словечками.

В оценке характера русской революции большевизм оказался прав полностью и целиком. Это становится особенно ясным, когда мы переходим ко второму пункту политических расхождений, к вопросу „о роли пролетариата в предстоящей революции“.

Второе расхождение—о роли пролетариата в предстоящей революции.

Меньшевики построили себе весьма упрощенную концепцию революции. Предстоящая революция буржуазно-демократическая, стало-быть, движущей силой революции будет буржуазия,—это, так-сказать, исторически „ее миссия“. Она есть тот класс, который встает у власти во время революции и после. Пролетариат содействует, участвует в революции, помогает радикальным, либеральным партиям, оппозиционным царизму. Меньшевизм рассматривал рабочий класс, как пособника буржуазии в предстоящей революции, как объект либеральной буржуазной политики.

Эту свою принципиальную позицию в оценке роли пролетариата они перенесли в ее девственной полноте и на свою тактику в эпоху керенщины, превращая Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов в контрольный орган, „контактную“ комиссию при коалиционном буржуазном правительстве.

Большевики—и в этом их гигантская историческая заслуга—выдвинули еще в годы подготовки к первой русской революции гегемонию пролетариата.

„Исход революции зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции“ (Н. Ленин, „Две тактики“).

Кто должен быть гегемоном в предстоящей общенародной революции? Какой класс?—вот коренной, исходный вопрос разногласий большевизма с меньшевизмом.

„Большевизм первый, — пишет т. Г. Зиновьев, — в истории мировой классовой борьбы принял всерьез идею гегемонии пролетариата, поставив на практические рельсы то, что Маркс и Энгельс предвидели лишь теоретически“ (Г. Зиновьев, „Из истории большевизма“, т. I, изд. 1923 г., стр. 6).

Когда теперь, в своих „Уроках Октября“ т. Троцкий пытается доказать, что идея диктатуры пролетариата была „воспринята“ партией только в результате того, что идейно Ленин перевооружил ее, то это только доказывает, как чудовищно небрежно и неряшливо он обращается с историей идейного оформления ленинизма. Как это увязать с тем, о чем совершенно верно пишет тов. Зиновьев?

В 1905 году расхождения с меньшевиками возникли на вопросе о том, кто должен быть и кто исторически призван стать гегемоном „общенародной революции“?

Меньшевики вотировали за буржуазию. Большевики вотировали за пролетариат.

Третье расхождение—отношение к крестьянству.

Смысл разногласий по этому пункту получил свое прекраснейшее обоснование в книге тов. И. Сталина „О Ленине и ленинизме“ (см. стр. 76). Отсылая к указанной книге желающих получить исчерпывающее представление об отошении ленинизма к крестьянству, мы здесь ограничимся лишь парой замечаний.

Характернейшей чертой меньшевизма, реформизма, который правильнее было бы назвать буржуазным социализмом, ибо он мыслит осуществление своих социальных „реформ“ в рамках существующего буржуазного общества, является игнорирование крестьянства.

При чем следует заметить, что игнорирование крестьянства, недооценка значения его, как движущей силы революции, не есть только специфическая особенность русских меньшевиков, отнюдь нет. Это присуще почти всем партиям II Интернационала.

„Равнодушие, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II Интернационала,—пишет в той же книге т. Сталин,—объясняется не только особенными условиями развития на Западе. Оно объясняется, прежде всего, тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти, а кто боится революции, кто

не хочет вести пролетариат к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным" (стр. 77).

Союз с крестьянством есть непременное условие для победы пролетариата в пролетарской революции. Ленин не раз говорил, что ежели мы не имели бы в Октябре 1917 года союза с крестьянством, мы бы никогда не завоевали государственной власти.

Идею соглашения с крестьянством Ленин уже выдвинул в 1905 г., как единственную историческую предпосылку довести буржуазно-демократическую революцию до конца. Эту задачу способен был выполнить только пролетариат в союзе с крестьянством.

Партия, которая на деле, а не на словах стремилась к победе над царизмом, должна была искать в крестьянстве себе союзника. Иначе победить невозможно, немыслимо.

„Мы должны дать себе точный отчет в том, какие же реальные общественные силы противостоят царизму (это вполне реальная и вполне понятная для всех сила) и способны одержать решительную победу над ним. Такой силой не может быть крупная буржуазия, помещики, фабриканты, „общество", идущее за освобождение. Мы видим, что они даже и не хотят решительной победы. Мы знаем, что они неспособны по своему классовому положению на решительную борьбу с царизмом; слишком тяжелым ядром на ногах их является частная собственность, капитал, земля, чтобы итти на решительную борьбу. Слишком нужен им царизм, с его полицией, его бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма. Нет, силой, способной одержать решительную победу над царизмом, может быть только народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, если брать основные крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже народ) между тем и другим. Решительная победа революции над царизмом есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" (Н. Ленин, „Две тактики").

Так Ленин обосновывал необходимость революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Кто оказался прав?

Ленинизм оказался прав не только для эпохи демократической, народной, т.-е. буржуазной революции, но и для эпохи пролетарской революции, чего не понял в то время и не понимает поныне т. Троцкий.

Ленинизм—теоретически и политически в этом пункте (по вопросу об отношении пролетариата к крестьянству)—подвинул марксизм на громадный шаг вперед. Даже самые бессовестные

меньшевистские политики, даже люди, которые архивраждебно настроены к большевизму, которые в своей злобе не могут хладнокровно произнести слово „Ленин“, даже они вынуждены сознаться, что в вопросе о крестьянстве ленинизм дал блестящую науку о сотрудничестве пролетариата и крестьянства в переходный период от капитализма к социализму, о том, как установить пролетариату „смычку“ с крестьянством, каким путем обеспечить существование в крестьянской стране диктатуры пролетариата, опирающейся на широчайшие слои пролетарских и полупролетарских элементов крестьянства. В этом есть крупнейшее научное и тактическое достижение большевизма.

Четвертое расхождение—о диктатуре и демократии.

Жесточайший спор в рядах международного социализма о диктатуре и демократии развернулся только после Октябрьской революции в России, установившей диктатуру пролетариата. Во-первых, потому, что мы с этого момента имеем факт существования диктатуры пролетариата. Во-вторых, потому, что мы вступили в такую историческую эпоху, когда, по словам Ленина, „вопрос о пролетарской революции становится практически в порядок дня в целом ряде государств“ (Н. Ленин, т. XV, стр. 445).

В настоящий момент это—главнейший пункт размежевания политических рабочих партий на социалистические и коммунистические, на реформистские социал-демократические и революционные.

Кто за „демократию“, разумеется, буржуазную (иной при господстве буржуазии не бывает), тот отходит в лагерь II Интернационала.

Кто за диктатуру пролетариата, тот объединяется в партиях Коминтерна.

В чем здесь лежит корень непримиримых разногласий у нас с меньшевиками?

Опять же в том для них злосчастном вопросе—в оценке характера русской революции. Исходя из неверных предпосылок, что наша революция буржуазная, они отрицают возможность ее осуществления, не хотят и поныне признать за русской революцией „пролетарский характер“. Они отрицают диктатуру пролетариата, как существующий факт. Из их теоретического положения вытекает, что в России существует власть (диктатура) партии, стоящей „над пролетариатом“, а не диктатура пролетариата. Разногласия о демократии и диктатуре наиболее широко и обнаженно развернулись в России после Октября, а после войны и во всей Европе.

Развитие классовой борьбы в ряде передовых европейских капиталистических стран уже достигло того уровня, когда исходом может быть только пролетарская революция.

Либо реформа, „смягчающая“ противоречия классового общежития.

Либо революция, развязывающая исторически последовательно внутренние классовые противоречия.

Разумеется, все реформисты, соглашатели, оппортунисты, мень-

шевики, словом, все вожди II Интернационала „за демократию" и против диктатуры.

Такие „старейшины" официального марксизма, как Карл Каутский, Вандервельде, Гильфердинг, целиком поддержали наших отечественных меньшевиков, обвиняя ленинизм в „смертных грехах против марксизма"!..

Было бы, однако, неверно думать, что споры „о диктатуре и демократии" большевиков с меньшевиками возникли только после Октября. Это не так.

Уже в 1905 г., даже раньше (с 1903 года), между Лениным и меньшевиками разгорается спор на эту тему. Классическим произведением меньшевиков по данному вопросу является книга А. Мартынова „Две диктатуры".

Спор по этому вопросу, как мы видели, довольно-таки „старый" и изрядно набивший оскомину.

Кто оказался прав?

Когда мы одержали победу в Октябре, меньшевики протрубили на весь мир, что большевизм занимается „авантюристическими экспериментами". Он хочет в стране, условия которой заведомо не созрели, „немедленно" осуществить коммунизм. Сикофанты буржуазии, ее ученые прислужники занялись поисками доказательств, якобы, антимарксистского поведения ленинизма, ловя и уличая его в „измене" марксизму. На деле, однако, что мы имеем?

Революция победила. Пролетариат в России стоит у власти, сосредоточивает в своих руках основные господствующие высоты экономики, сохраняет союз с крестьянством, ведет многомиллионное крестьянство за собой. Правда, ведет не всегда хорошо и не всегда вполне удачно. Огромнейшие трудности лежат в деле сохранения союза с крестьянством. Это верно, ибо противоречия, лежащие между городом и деревней, между социалистической экономикой и отсталым крестьянским хозяйством еще весьма остры, и они отнюдь не устранены. Тем не менее, в основном задача выполнена блестяще. Мы оказались совершенно правы, когда утверждали: только захват власти, только диктатура пролетариата приведет к настоящей борьбе за социализм. Меньшевизм доказывал, что в России надо лишь „проводить до конца буржуазную революцию", что мы к пролетарской революции „не подготовлены".

Кто же оказался прав?

Мы имеем величайшее историческое достижение, победу, небывалую в истории революционной борьбы угнетенных классов,— существование СССР! А пути буржуазной демократии на опыте таких передовых стран, как Германия, показали свою ошибочность, завели партии и тех пролетариев, которые идут за этими партиями, в глухой исторический тупик.

Пятое расхождение — о роли партии.

Сюда же правильным будет приобщить и расхождение по организационному вопросу, ибо соответственно той роли, какая предназначается партии, соответственно этому коренным образом

меняется и подход к организационным вопросам партийного строительства. В этом вопросе, так же, как и во всех предыдущих, сказываются две идеологии, две культуры по существу двух совершенно различных классов.

Напомню, что формально (и, разумеется, фактически) первый раскол партии на меньшевиков и большевиков произошел по организационному вопросу. Ленин уже тогда, за несколько десятилетий до решающей революционной победы чутьем гения понял, что это есть самое главное, что от того, как построить партию, от этого в конечном счете зависит исход будущей борьбы, исход грядущей революции.

Вот как описывает первые разногласия по этому вопросу покойный вождь и теоретик меньшевизма Ю. Мартов:

> „Во время этой борьбы на съезде наиболее принципиальное направление приняли дебаты о первом параграфе устава, определяющем членство партии. Ленин и его сторонники отстаивали такое определение членства партии, при котором оно обнимало бы только активных революционеров, участников нелегальных партийных организаций. При данной структуре партии это вело к оставлению за ее порогом не только массы сочувствующих партии, но и оказывающих ценное содействие интеллигентов, условиями своей жизни часто поставленных в невозможность вступить в нелегальные группы, но и значительной части рабочих, социал-демократов, которые, являясь передаточными звеньями между партийными группами и массой и выполняя чрезвычайно ответственные функции, по соображениям конспирации предпочитали не входить в районные комитеты и другие нелегальные ячейки. Особенно это относилось к рабочим пожилым, семейным, которые, благодаря своим выступлениям в роли вождей массы, чересчур известны полиции и фабрикантам. Вот почему оппозиция (меньшевики. И. В.) требовала, чтобы для членства партии рядом с признанием программы была достаточна „работа под контролем партийной организации“, а не „вступление в организацию“, как требовал Ленин (Ю. Мартов „История российской социал-демократии“, стр. 82—83).

Предвидя неудобства больших цитат, тем не менее, я счел необходимым в данном случае это допустить, дабы нынешнее молодое поколение партии увидело, каким поистине архаическим пережитком кажутся в наше время взгляды меньшевистского теоретика! Вообразите, в лето 1924 г. мы имели бы вместо нашей ненавистной для меньшевиков всего мира РКП, сплоченной, социально-однородной, как принято выражаться, монолитной,— такую партию, как разрисовывал выше Мартов!

Такая партия никогда не смогла бы взять государственной власти в свои руки. Между тем, меньшевики и по сегодняшний день отстаивают, с очень незначительными изменениями, свою старую организационную форму.

Годы революции их ничему не научили, ни в чем не переубедили. Кто может быть сторонником такой партии, в которой членом партии может считаться любой интеллигент, оказывающий „содействие“?... Для принадлежности к которой достаточно лишь работать „под контролем“? В наше время таких людей найти можно разве лишь в среде политически безграмотных. Такая партия не может быть предназначена к выполнению роли вождя класса. Она не способна руководить борьбой класса.

Эпоха керенщины с обнаженной ясностью показала, что меньшевизм непригоден руководить массами. Он сам готовился и готовил массы к роли хвоста буржуазии или в лучшем случае к роли приличной „парламентской оппозиции“.

По Ленину, партия есть авангард класса, его наиболее сознательная, наиболее передовая часть. Партия должна быть способна руководить массой в революционной борьбе. Без этого немыслимо самостоятельное классовое революционное движение пролетариата.

Тов. Троцкий, увлекаясь анализом оттенков разногласий внутри большевистской группы в Октябре, в своих „Уроках Октября“ проглядел основной урок Октября—это исторический урок того, как надо строить партию для того, чтобы победить.

В этом состоит главное большевистское вооружение, чего как-раз и не приметил тов. Троцкий, как некий джентльмен: все видел, все высмотрел, а слона-то и не приметил...

Большевизм победил в Октябре в первую очередь потому, что он в отчаянной беспрерывной двадцатилетней борьбе с меньшевиками и троцкистами отстоял партию—основной рычаг исторического переворота.

Эту организационную предпосылку к победе революции всячески разрушали меньшевики и троцкисты. Тов. Троцкий вместе с меньшевиками-ликвидаторами предвещал нам вырождение в бюрократическую секту, бланкистскую группу, застывшую на „ученом аскетизме“.

Жизнь смела долой пророчество меньшевистско-троцкистской Кассандры.

Произошло иначе. РКП ныне могущественнейшая массовая партия, подобно которой другой еще нет в мире.

Большевизм создал передовую партию пролетариата, образцово организовал авангард класса—едино сплоченный, имеющий старые, подпольем воспитанные кадры и хорошо подобранную, высоко образованную, воспитанную на марксизме и ленинизме группу вождей, большевизм создал партию, которая связана с широчайшими рабоче-крестьянскими массами, опирающуюся на миллионы трудящихся и ведущую их за собой.

Если бы мы, скажем, шли по пути меньшевистской или троцкистской организации, мы, наверняка, имели бы вместо партии неопределенный расплывчатый „широкий рабочий союз“, который на деле превратился бы из органа единой классовой воли, еди-

ных интересов в арену внутрипартийной фракционной драки, отражающей борьбу социально-классовых противоречий в стране.

Наш анализ природы разногласий большевизма с меньшевизмом затянулся. Но обойтись без этого немыслимо. Ибо, минуя наши разногласия с меньшевиками, сравнительно трудно, если не сказать: просто невозможно, понять разногласия с троцкизмом.

Как течение промежуточное, „бродячее", то-есть бродившее промеж двух полюсов, троцкизм следует рассматривать только в резерве фракционной борьбы большевизма с меньшевизмом.

Тем более, что тов. Троцкий, как это видно из письма к тов. Ольминскому, написанного 6 декабря 1921 г., отнюдь не склонен свою позицию считать во всем ошибочной.

„Особое" положение троцкизма.

В партии все еще сохранятся поверие, будто бы троцкизм представлял собой в истории фракционной борьбы РСДРП нечто весьма „самостоятельное", хотя и во многом отличающееся от большевизма-ленинизма, но зато он был и непримиримой противоположностью меньшевизма.

Так ли было на самом деле? А если так, то тогда спрашивается: что, собственно говоря, представлял собой троцкизм? Попробуем разобраться. Для этого я решил применить сравнительный метод. Беру те же 6 расхождений, которые были положены в основу анализа разногласий большевиков с меньшевиками. Для более ясного упрощения можно их свести в одну таблицу с пометкой, к какой фракции примыкал тов. Троцкий.

Что же получается?

	Собствен. позиция.	Меньшев.	Большев.
1. Оценка характера будущей русской революции. . . .	+	—	—
2. О роли пролетариата в предстоящей революции. . . .	+	—	—
3. Отношение к крестьянству.	—	+	—
4. О диктатуре и демократии.	—	—	+
5. О роли партии.	—	+	—
6. Оргвопрос.	—	+	—

Эта таблица наглядно показывает, что с Лениным, с большевиками тов. Троцкий из шести коренных решающих вопросов был лишь по одному—о диктатуре и демократии, при чем надо сказать, что единство здесь достигнуто фактически после Октября и отчасти в последние месяцы перед Октябрем. Что же касается разногласий с тов. Троцким по данному вопросу в эпоху первой революции (1905 год), то в этой части нельзя сказать чего-либо определенного, ибо вообще спор по данному вопросу тогда не был актуальным.

Стало-быть, из 6-ти вопросов, служивших предметом коренных разногласий, тов. Троцкий по трем занимал меньшевистскую позицию, по одному большевистскую (условно, с натяжкой) и по двум самостоятельную. Укажу, что и эта „самостоятельность" также вещь весьма и весьма условная. Замечу, забегая вперед, что троцкистская теория „перманентной (беспрерывной. И. В.) революции" исходит теоретически из социологических предпосылок, анализ которых у троцкистов совпадает с меньшевизмом, хотя выводы противоположны. Тем более эта позиция не имеет никакого, даже самого хотя бы отдаленного, родства с ленинизмом.

Где же тут таится хваленая историческая „самостоятельность" и „внефракционная" независимость троцкизма?

Ее нет, как вообще не бывает у всякого промежуточного, постоянно колеблющегося течения. Такова уж природа серединных, буферных течений и такова их роковая судьба, что они при всех самых наиблагих субъективных, личных стремлениях объективно оказываются в плену мелкобуржуазной идеологии.

При ближайшем рассмотрении позиции тов. Троцкого мы ясно видим: по существу, никакого особого положения, имеющего под собой сколько-нибудь постоянную, устойчивую реальную базу, его позиция не имела.

Это был настоящий заурядный „центризм" типа прежней позиции таких центристов, как Карл Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр, Адлер. Нового тут, как любил говаривать Ленин, „ничегошеньки".

Его „особое" положение в истории фракционной борьбы РСДРП состояло разве лишь в том, что он был постоянно „особо" в меньшинстве, возглавляя все троцкистское движение своей единственной персоной, обреченной на героическое одиночество!

Когда теперь кое кто из сентиментально-обывательски настроенных оппозиционеров вздыхает и мечтает вслух, а больше молчаливо, о том, как бы было „верно", если бы партия „допустила" тов. Троцкого „в вожди партии", то они забывают, что Троцкий исторически доказал несостоятельность, как вождь и руководитель партии.

Как может быть вождем партии человек, который ни разу не имел большинства или даже внушительного меньшинства?

Случайно ли это? Разумеется, не случайно. Тов. Троцкий ни разу не составил себе большинства и, повидимому, не способен, не умеет по своей политической природе составить большинство. В тоске по большинтсву он постоянно мечтал „всех объединить",

это была его „идея идей“. Но это же было и его „Ахилессовой пятой“.

Парящей идейно в облаках объединений, он на деле был окружен пустым пространством. Его обожают массы, даже любят, любуются красотой „глагола, жгущего сердца“, но за ним массы партийные не шли. Это не то, что Ленин. Гигантская фигура этого вождя, уходящая своей вершиной в недосягаемую бесконечность, однако, внизу опиралась на миллионы масс и как бы физически вырастала из недр рабочего класса. Нельзя мысленно представлять Ленина вне многомиллионной революционной массы. Это отчасти интуитивная характеристика, но она мне кажется важной потому, что сложилась из наблюдений и ощущений происходящего в самой действительности.

Тов. Троцкий не годится в вожди партии, ибо он никогда не обеспечит партии единства—а без этого партия не в состоянии существовать. Дай ему руководство партией,—с ней произошло бы то же, что произошло с возом горшков в известной крыловской басне, когда запрягли горячего коня:

„Левей, левей и—с возом бух в канаву,
Прощай, хозяйские горшки“...

„С возом в канаву“ Троцкий попадает неизменно и до революции, и после революции. На протяжении всей своей политической истории он постоянно оставался „генералом без армии“.

В этом его „особое положение“, а не в самостоятельной политической линии. Последняя мало чем отличалась от меньшевизма.

Единственно, что, несомненно, резко разделяло троцкизм от меньшевизма, особенно в эпоху первой революции, т.-е. 1905 г.,—это его оригинальная теория о характере будущей революции. Разумеется, это—важнейший вопрос идейно-политической позиции, и было бы глубоко ошибочным умалять значение такого расхождения троцкизма с меньшевизмом, но вся беда в том, что, будучи ультра-революционным в теории, на словах, он на практике почти неизменно поддерживал меньшевиков, блокировал с ними.

Пусть нам укажет кто-нибудь из сторонников тов. Троцкого, или он сам один случай, когда на партийном съезде или конференции он шел решительно с большевиками против меньшевиков? Такого примера мы не помним. На Лондонском съезде в 1907 году он мог сделать, если бы твердо хотел, шаг к сближению с большевиками, тем более, что его позиция против блока с либералами чрезвычайно сближалась с нашей позицией, и при желании тов. Троцкого ее можно было превратить в прочный мост соглашения. Однако, вышло иначе, и не по вине большевиков и Ленина, а по вине тов. Троцкого, прикрывавшего меньшевистское существо в организационных вопросах программой „объединения всех групп и течений“.

На словах он казался куда „левее“ большевиков, а на деле в партийной политике неизменно сожительствовал с меньшевиками.

Любви в этом „браке“ большой не примечалось, но „расчет“ налицо. Почти беспрерывное литературное участие в меньшевистских газетах, журналах, участие на меньшевистских конференциях, совещаниях (разумеется, направленных против большевиков) объективно приводили его к положению одного из вожаков меньшевизма и довольно-таки ярого и пламенного большевикоеда, „сокрушителя“ и разрушителя „ленинской ватаги“.

Никакого „особого положения“ в истории партии тов. Троцкий не занимал. Надо такое представление, ежели оно еще сохраняется, рассеять, как сплошную чудовищную выдумку, совершенно не соответствующую действительному положению вещей. Сколько ни старался сам тов. Троцкий быть на „особом положении“, как он ни оригинальничал, тем не менее, в результате всегда оказывался в кабале у меньшевиков. Теоретически, на словах защищая самостоятельную позицию, на практике он фактически оставался облагоображенным, задрапированным в ультра-революционные одежды сторонником меньшевизма. Никакого особого положения тов. Троцкий не занимал и не занимает в истории рабочего движения, а тем более в истории нашей партии.

Что же такое, однако, троцкизм? Троцкизм представляет собой левое центристское течение меньшевизма, прикрытое аристократически вычурной революционной левой фразой, опиравшееся на некоторый слой квалифицированных рабочих, радикальную интеллигенцию, радикального революционного мещанина-горожанина, игнорующее крестьянство, недооценивающее миллионы и миллионы крестьянских масс, без которых, и тем более против которых, рабочий класс никогда не одержал бы своей победы над буржуазией. Когда теперь мы внимательно рассматриваем троцкизм в его прошлом и настоящем, изучая всю его программу, тактику и итоги политической практики, мы не находим в троцкизме ничего того, чем можно, чем следовало бы дополнить ленинизм или его „исправить“, на основе чего как-будто бы (как видно из выступления тов. Троцкого) „перевооружился большевизм“ в Октябре. Медвежью услугу оказал тов. Троцкий ленинизму своими „Уроками Октября“. Получилось так, что, вместо изучения уроков Октября из книги т. Троцкого, наша партия и все секции Коминтерна сплошной стеной встали против т. Троцкого, в защиту ленинизма. Вместо изучения „Уроков Октября“ широкие партийные и комсомольские массы принялись изучать „уроки троцкизма“ и вытекающие из него опасности для мирового коммунистического движения.

„Уроки Октября“ превратились в исторический урок для самого автора.

ГЛАВА III.

О движущих силах русской революции и теории „перманентной революции“.

Историческая справка к теории „перманентной революции“.

Центральной осью всей системы взглядов т. Троцкого в оценке характера русской революции, ее движущих сил, роли различных классов и, в первую очередь, роли рабочего класса и крестьянства, политических партий, их задач и взаимоотношений во время революции, служит его теория „перманентной революции“.

Это—его „постоянная“ пристань, от которой он всегда отчаливает, когда пускается и в далекое плавание теоретических рассуждений о революционных перспективах вообще и в поисках исторических перспектив революционного движения в России накануне 1905 года, и когда, применительно к конкретным текущим задачам революционной политики партии, принимается за разработку вопросов партийной тактики.

Даже больше того.

В историческом исследовании „Уроки Октября“, т.-е. при изучении опыта захвата государственной власти пролетариатом в октябре 1917 года, он остается верен своей принципиальной позиции, своей Дульцинее сердца и разума,—„перманентной революции“.

Троцкизм нельзя понять, как идейно-политическую систему и как фракционное течение с теми самостоятельными чертами и оттенками, как ему присущи, не изучая его теорию „пермаментной революции“, его своеобразную концепцию движущих сил русской революции.

Для троцкизма теория „перманентной революции“ есть тот узел, в котором фактически связывается вся его политическая революционная тактическая программа, но она же (теория „перманентной революции“) есть исходный источник всех тех чудовищных ошибок, какие допущены троцкизмом за весь период его существования.

Если мы хотим брать быка за рога,—а это самое верное

средство для выяснения истины, которая всегда конкретна,—то надо начать прежде всего с детального разбора теории „перманентной революции“, ибо „от ней все качества“. Однако, прежде чем перейти к нашим русским „перманентникам“, будет весьма полезно остановится на истории этой оригинальной теории, тем более, что наши русские „перманентники“ ее безбожно перекроили и пережевали на собственный лад, на свой довольно-таки утопический покрой. Но об этом ниже.

Вернемся к истории теории „перманентной революции“ у Маркса, на неоспоримый авторитет которого в значительной части своих рассуждений опирается т. Троцкий.

Идея перманентной (непрерывной) революции впервые формулирована Марксом, как общий программный лозунг коммунистов в знаменитом „обращении Центрального Комитета к Союзу“ (март 1850 г.):

> „В два революционных года, 1848 и 1849 гг.,—пишет Маркс,—Союз выдержал испытание в двояком смысле: прежде всего в том, что члены его повсюду энергично бросались в движение, что они в печати и на баррикадах, и на полях сражений стояли в первых рядах единственного решительного революционного класса, пролетариата. Союз, далее, выдержал испытание и в том смысле, что его понимание движения, как оно было изложено в циркулярах конгресса и Центрального Комитета 1847 г. и в „Коммунистическом Манифесте“, оказалось единственно правильным“. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч, т. III, стр. 497).

Революция 1848—49 гг. была завершительным этапом цикла буржуазных революций Европы. Железная метла истории капиталистического общества в эти бурные годы окончательно сметала, дочищала, все еще сохранившиеся надстройки государственного господства феодализма, дворянства, церкви и монархического абсолютизма. Бешеный рост индустрии, постройка железных дорог, новые усовершенствования в судостроении дали возможность сравнительно легко преодолевать пространства. Развитие колониального владычества Англии, расширение мирового рынка превращали буржуазию в класс экономически господствующий, в гегемона общества. Буржуазия должна иметь у себя развязанные руки. Она должна быть и в государстве таким же беспредельным хозяином, каким она бывает за своим торговым прилавком. Без всяких колебаний она идет на революцию, направляя ее силу против исторических пережитков, ограничивающих ее господство. До конца революционной, последовательной буржуазия была до того предела, пока она встала к власти. С этого момента ее главнейшей задачей стало: все для укрепления завоеванных позиций. В связи с тем меняется и поведение буржуазии в позднейших революциях.

Революция 1848—49 гг., будучи буржуазной по существу, однако, уже резко отличается от французской революции 1789—1794 гг. Ибо великая французская революция 1789—1794 гг. была первым этапом буржуазных революций, революционной весной буржуазии, полной увлекательной романтики. Революция 1848—49 гг. была осенью революционного старчества. Сильнейшим революционным стимулом буржуазии здесь становится сухой расчет, чистоган, и только мелкобуржуазные демократы, мещане и немецкие филистеры лютеровско-кантовской школы „позировали", кривлялись, театрально подражали революционным героям времен Дантона—Робеспьера.

50 лет отделяло вторую революцию от первой. За это время вырос промышленный пролетариат и оформился в самостоятельный класс, непримиримый к буржуазии, капитализму. Буржуазия, расчищая авансцену для себя, очень скоро увидела, что она тем самым расчищала историческую арену и для пролетариата — своего могильщика. В революцию 1848—49 гг. одним единственным решительным революционным классом был только пролетариат. Буржуазия исторически исчерпала свою революционность полностью и целиком.

Вопрос о том, кто должен двигать революцию, какой общественный класс, и как ее двигать, становится центральной проблемой тактики коммунистов того времени, особенно остро встал вопрос об отношении к партиям мелкобуржуазной демократии, которая все еще играла парадную роль,—партии революционной. Проблема перерастания революции буржуазной в социалистическую, правда, в весьма общем виде, но она уже была поставлена 1848—49 гг.

Изучая революционный опыт этих двух лет, Маркс пришел окончательно к твердому убеждению, что анализ общественных отношений классов, движущих сил и исторических перспектив, данный в „Коммунистическом Манифесте", выдержал блестящий экзамен. Пролетариат показал, что он есть решающая сила всех грядущих революций в Европе. Каковые же цели ставит себе пролетариат и какова должна быть его тактика?

Маркс, подробно разбирая вопросы тактики рабочего класса и его авангарда (коммунистов), приходит к следующему выводу:

> „В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной, до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас

дело идет не об изменении частной собственности, а об уничтожении, не о затушевании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества" (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 501).

Так формулировал, обосновывал Маркс лозунг непрерывной, „перманентной" революции.

Поставив непрерывную революцию, как историческую задачу пролетариата, Маркс в конце указанного знаменитого обращения, которое ложно истолковывали или, вернее, совсем не понимали наши русские „перманентники" в 1905 г., излагает тактические задачи пролетариата:

„Мы видели [1]),—пишет он,—как демократы в ближайшем движении придут к господству, и как они будут вынуждены выступать с более или менее социалистическими мероприятиями. Возникает вопрос: какие же меры должны будут, в противовес этому, предложить рабочие? Конечно, рабочие, не могут в самом начале движения предлагать чисто-коммунистические мероприятия, но они могут:

1) Принудить демократов возможно всесторонне вторгаться в существующий общественный строй, нарушать его нормальный ход, компрометировать самих себя, а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, перевозочных средств, фабрик, жел. дорог и так далее.

2) Они должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые, во всяком случае, будут выступать не революционно, а лишь как реформисты; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так, например, если мелкие буржуа предлагают выкупать железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были конфискованы без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства. Следовательно, требования рабочих всюду должны будут сообразовываться с уступками и мероприятиями демократов.

Если германские рабочие не сумеют достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не про-

---

[1]) Речь идет об уроках революции 1848—49 г., показавшей всю непригодность, как самостоятельной революционной силы, мелкой буржуазии.

делав целиком продолжительного пути революционного развития, то на этот раз у них есть, по крайней мере, уверенность, что первый акт этой предстоящей революционной драмы совпадет с прямой победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен.

Но для своей конечной победы, они сами должны сделать самое большее тем, что они будут выяснять себе свои классовые интересы, что они займут, лишь только это окажется возможным, свою самостоятельную классовую позицию и ни на одно мгновение не дадут лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с пути самостоятельной организации партии пролетариата.

Их боевым лозунгом должно быть: непрерывная (перманентная. И. В.) революция". (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. III стр. 507).

Две приведенные выше цитаты дают полное обоснование (на которые был таким гениальным мастером Маркс), во-первых, движуших сил предстоящей революции в Германии и, во-вторых, роли буржуазной революционной демократии и определение того исторического предела, до какого она способна двигать революцию, в-третьих, революционной, исторической задачи пролетариата и обоснование его тактики, как класса, единственно способного вести революцию до конца, до уничтожения существующего капиталистического общества.

Маркс и Энгельс переоценили тогдашние революционные возможности. Оба они были глубоко убеждены, что наступает эпоха беспрерывной революции, и конечным этапом будет победа пролетарской революции.

Фридрих Энгельс в знаменитом введении к работе Маркса „Борьба классов во Франции", пишет:

„Принимая во внимание обстоятельства того времени, для нас не могло оставаться места сомнениям на тот счет, что началась великая решительная борьба, которая составит один длинный и богатый переменами революционный период, но которая завершится лишь окончательно победой пролетариата" (стр. 9).

Лозунг „перманентная революция" в устах коммунистов 1847—50 гг. был призывом бороться за социалистическую революцию. Позже Маркс и Энгельс признали, что они оказались жертвой увлечений, рассматривая революцию 1848 г., как начало революционной победы социализма. Прекрасный лозунг „непрерывной революции" тогда не оправдался.

Русские „перманентники" Парвус и Троцкий, взявши у Маркса этот прекраснейший лозунг 1850 года и провозгласивши его в качестве революционной задачи русского пролетариата в 1905 году, допускали ряд грубейших тактических ошибок, и в том числе такую роковую для троцкизма ошибку, как просмотр революционного значения крестьянства. Здесь была отдана дань

абстракции, красивой стройной схеме, взамен этого допущены грубейшие искажения природы и характера движущих сил революции в данной конкретной исторической обстановке. К тому же русские сторонники „перманентной“ теории поставили судьбы русской революции в полную прямую зависимость от победы революции в Европе.

Однако, есть такие чудаки, которые полагают, что, провозглашая лозунг „перманентной революции“ в 1905 г., т. Троцкий шел наиболее прямолинейно, наиболее „последовательно“ и „ортодоксально“ за Марксом. В то время, как Ленин „перекраивал“ марксизм на „русский покрой“, в нужный момент без колебаний изменяя тактику (как известно, Аксельрод и даже Плеханов из-за этого упрекали Ленина в эсеровских слабостях, пристрастии к народничеству. И. В.), Троцкий, будто бы, оставался постоянно „верен букве марксизма“, „ортодоксален“ до конца.

Между прочим, в свое время и тов. Луначарский держался такой точки зрения:

> „Мне кажется,—пишет он,—что Троцкий несравненно более ортодоксален, чем Ленин, хотя многим это покажется странным; политический путь Троцкого как-будто несколько извилист; он не был ни меньшевиком ни большевиком, искал средних путей, потом влил свой ручей в большевистскую реку, а между тем, на самом деле Троцкий всегда руководился, можно-сказать, точным правилом революционного марксизма“. (А. В. Луначарский, „Революционные силуэты“, стр. 26).

Весьма странным кажется слышать такое утверждение, тем более от т. Луначарского, который был свидетелем развития ленинизма и троцкизма.

Странное представление у т. Луначарского о марксистской „ортодоксальности“, если он в линии Троцкого усмотрел „классический пример“! В чем выражалась ортодоксальность т. Троцкого? В том, что он шел серединкой? Качался между Сциллой меньшевизма и Харибдой большевизма?

„Середина“ чаще всего бывает проявлением оппортунизма, который, как известно, стоит в полной противоположности к настоящему, ортодоксальному марксизму.

„Середина“ т. Троцкого во фракционной борьбе меньшевиков с большевиками чаще всего приводила его к „центризму“, т.-е. к политической позиции, типичной для Каутского. Между тем, т. Луначарский видит в этом высшую добродетель, пример „неуклонной“ марксистской последовательности.

Такое представление о развитии троцкизма есть сплошной вздор. Оно имеет в своей основе типичное обывательское меньшевистское представление о ленинизме.

Русские меньшевики и вообще теоретики II Интернационала всячески стараются доказать, что „ленинизм не ортодоксален“,

не последователен в вопросах марксизма, что он—„противоположность марксизма“. Такой взгляд, между прочим, выражен Каутским в письме, написанном им по поводу смерти Ленина, о Ленине. Каутский сравнивает Ленина не с Марксом или Энгельсом, а с Бисмарком, при чем с явной выгодой для своего соотечественника.

К сожалению, разумеется, не желая этого, т. Луначарский допускает почти аналогичную ошибку.

Марксист, теряющий почву диалектики, не может быть назван ортодоксальным, ибо ортодоксальность марксизма состоит не в том, чтобы „последовательно“ и „всегда точно“ повторять формулы Маркса, а в умении владеть диалектикой марксизма, без чего невозможно овладеть в теории марксизма всем остальным.

Троцкизм как-раз лишен тех качеств, какие присущи ленинизму, пропитанному насквозь диалектикой. Выдвигая теорию „перманентной революции“ в 1905 г., т. Троцкий не понимал механики движущих сил революции и тем самым безбожно грешил против законов марксизма и фактически порывал с „основой основ“ марксизма.

Прекрасная революционная схема текущей тактики, вытекающая из теоретического обобщения тактики Маркса в революционной Германии эпохи 1848—50 гг., им переносится без сколько-нибудь значительных поправок на революцию 1905 г. в России. Схема поэтому осталась мертвой схемой, а революционный лозунг—прекрасной, звучной фразой. История революции пошла своими, совершенно иными путями.

Русские теоретики „перманентной революции“.

Внутрипартийные расхождения между большевиками и меньшевиками, организационно впервые оформившиеся на II съезде партии в 1903 году, выросли в коренные непримиримые политические разногласия только с развитием революции 1905 года.

Революция является обычно наиболее блестящим историческим экзаменом для политических партий. Никакие принципиальные политические, теоретические дискуссии не способны так четко и ясно размежевать политические течения, как это делают баррикады. Размежевывая классы на два лагеря, баррикады тем самым прокладывают идейный политический рубеж. То, что было до того предметом иногда отвлеченных идейных споров в применении к конкретной борьбе классов, политически, социально самоопределяется.

Первый такой исторический водораздел проложила революция 1905 года между меньшевизмом и большевизмом. РСДРП распалась на жирондистов-меньшевиков и революционных „якобинцев“-большевиков. Исходными пунктами разногласий служили:

1) Оценка характера будущей русской революции.

2) Вопросы роли и тактики рабочего класса и его политической партии.

В противоположность большевикам и меньшевикам, которые в одном сходились, а именно, что будущая русская революция

будет буржуазной, хотя находились на непримиримо противоположных позициях о роли и задачах рабочего класса в данной революции, Парвус—Троцкий выдвинули свою оригинальную теорию „перманентной революции“, которая предполагала, что русская революция может победить только как пролетарская социалистическая. Каковы к тому были мотивы,—показывает приведенная ниже цитата из книги т. Троцкого „1905 год“:

„Именно в промежуток между 9-м января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории „перманентной революции“. Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие, буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы, пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти“.

И далее он делает из этого положения такие выводы:

„Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав, в силу исторической необходимости, ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т. е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом к революции мировой.

Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком“. (Л. Троцкий, „1905 год“, стр. 4—5).

Так т. Троцкий формулирует и объясняет свои взгляды (задним числом) на движущие силы русской революции в предисловии к книге „1905 год“, написанном в январе 1922 г. Поясняя свою теорию „перманентной революции“, рассматривая в исторической ретроспективе свои разногласия с ленинизмом в прошлом, он, на пятом году существования Советской власти, без всяких колебаний, стеснений и оговорок, пишет:

„Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком“.

Стало-быть, из этого утверждения следует: хотя и через 12 лет, но исторически оправдалась троцкистская теория о характере русской революции, между тем как ленинская теория пережила нечто в роде „самоликвидации“, нечто в роде „перерождения“, ибо „под руководством т. Ленина большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 г.“ („1905 год“, стр. 285).

Ленинизм по вопросу о теории русской революции „потерпел крушение“, вынужден был „идейно перевооружиться“, а троцкизм оправдал свою теорию „перманентной революции“, хотя и с перерывом в 11 лет. Вот весь смысл философии истории т. Троцкого. Но об этом речь пойдет ниже: в данном случае вернемся к рассмотрению троцкистской концепции движущих сил русской революции.

Если, для простоты и ясности, придерживаться некоторой схематичности, то существо теории „перманентной революции“ можно построить так:

Первый тезис: Русская революция не может разрешить своей исторической задачи, хотя бы поставленной в рамках буржуазной революции, без пролетариата у власти.

Второй тезис: Единственным революционным классом остается пролетариат; все остальные классы, в том числе и крестьянство, будут классами, которые составят общий фронт внутренней контр-революции или, в лучшем случае, будут нейтрализованы и отчасти увлечены, но лишь при условии решительной победы пролетариата.

Третий тезис: Игнорирование революционной силы крестьянства. Она сбрасывает со счетов гигантскую революционно-демократическую силу крестьянства, союз с которым, как известно, обеспечил большевизму победу в октябре 1917 года.

Четвертый тезис: Противоречия внутреннего характера, которые обнаружатся вследствие экономической отсталости страны, сравнительной малочисленности и слабости пролетариата, разрешимы только в том случае, если русская революция станет „прологом мировой революции“, если мировая революция придет ей немедленно на помощь. При отсутствии такой помощи русская революция наверняка обречена на поражение.

Пятый тезис: „Неверие в силы и способности нашей революции, неверие в силы и способности российского пролетариата,— такова подоснова теории „перманентной революции“ (И. Сталин, „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов“, стр. 24).

В пределах этой теоретической схемы т. Троцкий строил свою тактическую линию в эпоху первой революции 1905 г. и в значительной степени беспомощно бродит, как „промеж трех сосен“, и поныне. Его теперешняя позиция вполне укладывается в Прокрустово ложе теории „перманентной революции“. Он искренно убежден, что наша революция развивается соответственно рецептам теории „перманентной революции“.

Однако, вопрос этот имеет важнейшее принципиальное значение. Тов. Бухарин абсолютно прав, указывая на то, что принципиальный спор о теории „перманентной революции“ имеет крупнейшее практическое значение для уяснения той позиции, какую должна занимать наша партия. Здесь в конечном счете речь идет о путях дальнейшего развития нашей революции и о перспективах европейской революции. Это отнюдь не схоластический спор насчет отвлеченных истин той или иной политической теории, а конкретная политическая борьба за то, по какому пути партия должна вести нашу революцию: по пути ли троцкизма, т.-е. как революцию перманентную, которая свою победу усматривает только в победе европейской революции, или по пути ленинизма, допускающего возможность победы социализма в одной стране?

Так, и только так, надо рассматривать корни и причины той непримиримой „горячки“, какая развернулась в последней дискуссии по вопросу о „теории перманентной революции“.

Мы имеем, после 7-ми лет существования Советской власти, победу социалистической революции только в одной стране, да притом в крестьянской, в которой огромное численное преобладание крестьянства ставит в особенно сложное положение рабочий класс. Наши расчеты на стремительное развитие революции в Европе не оправдались, хотя ждать этого в 1918—19 гг. мы имели все основания. Едва ли могут быть допущены сомнения насчет того, что в сроках мы „просчитались“. Сроки победы революции на Западе мы непомерно преуменьшали и упрощали ход исторических событий.

Едва ли есть необходимость доказывать всю сложность задач, которые в связи с тем стоят перед партией, доказывать сложность и трудность, и в то же время актуальность политики, регулирующей взаимоотношения пролетариата с крестьянством. В этом как-раз в первую очередь скрываются те пружины, которые заставили партию открыть беспощадную, решительную дискуссию сторонникам „перманентной революции“.

Т. Троцкий, ссылаясь на выносливую клячу-историю, в ее поведении усматривает оправдание своей линии.

Для доказательства сплошного банкротства троцкистской теории „перманентной революции“ мы также считаем наиболее удобным воспользоваться услугами истории. Тем более, что она весьма щедра на факты, красноречиво демонстрирующие забвение—если не сказать: посрамление—троцкизма „в данном, для него решающем пункте“.

Ошибки наших „перманентников“.

Из разбора вышеприведенной схемы, соответственно которой можно разложить теорию „перманентной революции“ на ее важнейшие составные части, можно сделать определенный вывод, в каком отношении находится эта оригинальная теория к природе

русской революции. Неверная, в корне неверная точка зрения тех,—и, разумеется, в первую очередь, точка зрения т. Троцкого,—которые считают что развитие нашей революции „идет по путям“, предначертанным, предвосхищенным „теорией перманентной революции“.

В состоянии такого самообольщения и самообмана до сих пор находится т. Троцкий.

„Считаю, что моя оценка движущих сил революции,—пишет он в письме к т. М. Ольминскому (6-XII-21 г.),—была безусловно правильная, выводы же, какие я из нее делал в отношении обеих фракций (меньшевиков и большевиков. И. В.), были безусловно неправильны“.

Эту же самую мысль т. Троцкий повторил и в дискуссии 1923 г.:

„Что касается теории перманентной революции, то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что я писал по этому поводу в 1904—05 гг. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развиваемых мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени“ („Новый курс“, стр. 51).

Заканчивает он свои доказательства об историческом оправдании теории перманентной революции прямо-таки одой:

„Таким образом, идея перманентной революции полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма. Это можно было не видеть 18—15 лет тому назад. Но этого нельзя не понять и не признать теперь, когда общие формулы наполнились полнокровным историческим содержанием“ (см. там же).

Так, по тов. Троцкому выходит: он был безусловно прав в оценке движущих сил революции.

„Основной ход“ его мыслей в 1904-05-06 гг. если не совпадает полностью во всем, то, во всяком случае „близок к сущности октябрьских и послеоктябрьских взглядов ленинизма“.

„Идея перманентной революции“ полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма,—таков „ход“ рассуждений т. Троцкого в 1923—24 гг.

По т. Троцкому выходит чрезвычайно „гладко и стройно“. Обнаруживается, что вообще его теория движущих сил революции есть, по существу, не что иное, как „подлинный“ ленинизм, она нашла свое завершение в знаменитых „апрельских тезисах“ Ленина о характере нашей революции.

„Через теорию перманентной революции был прямой путь к ленинизму, в частности к апрельским тезисам 1917 г.“ („Новый курс“, стр. 52).

Ни одного замечания, ни одной оговорки, или оговорочки, ни тени сомнений не допускает т. Троцкий к своей теории. Октябрь, по его мнению, выдал историческое свидетельство теории перманентной революции.

Она, его теория, была мостом к ленинизму, ведущим прямым путем к „апрельским тезисам" Ленина.

Гладко писано на бумаге, да забыли про овраги. А по ним ходить!

Несмотря на такие блестящие аттестации, выдаваемые теории „перманентной революции", мы, грешным делом, полным-полнехоньки сомнений и недоумений по поводу теоретических рассуждений т. Троцкого.

Ибо исторический опыт нашей революции, на который, как на авторитетного свидетеля, он ссылается, неизменно нас убеждает совершенно в обратном. Вместо триумфального оправдания теории „перманентной революции" получается полнейшее крушение и опровержение буквально всех ее теоретических, политических, тактических основ.

Это с неподражаемой по своей ясности логикой доказал Ленин в ряде выдающихся работ, написанных им о революции 1905—07 гг. и Октябрьской революции.

Общие выводы, сделанные Лениным в 1905 г., оправдались на опыте революционного развития в послеоктябрьские годы.

Между тем, наши „перманентники", в первую голову т. Троцкий, допустили самую грубейшую, коренную ошибку: они не могли понять движущих сил революции.

Едва ли можно сыскать более значительную, более опасную для революционного политика, теоретика ошибку, как непонимание движущих сил революции. Революционный вождь или партия в целом, не понимающие, не знающие движущих сил революции, были бы подобны военачальнику, ведущему армию в бой, но в то же время лишенному ясного представления о численном и качественном составе располагаемой им армии.

Такой военачальник может показать чудеса храбрости, но отнюдь не способности быть начальником. Поражение ему и неудачи предрешены почти наверняка, разве только случай может принести успех.

То же самое почти полностью применимо и к революции. Разумеется, революция происходит неизмеримо сложнее, многообразней. Силы, которыми располагает партия, класс, в данном случае не поддаются так просто какому-нибудь статистическому учету, ибо в революции часто происходит так, что движущие, действующие революционные силы возрастают во много раз в процессе самой революции, в процессе развертывания классовой борьбы, однако, это нисколько не освобождает партию, подготавливающую революцию, от обязанностей изучать и понимать движущие революционные силы, их состав, уровень, их соотношение с силами, противоположными революции.

Понимание движущих сил и законов движения революции при данном соотношении классов для партии есть непреложная не-

обходимость, без которой немыслимо построить сколько-нибудь определенную теорию революции, тем более без этого невозможно построить революционную стратегию партии и класса.

Троцкий как бы удивляется: как это он, давая безусловно правильную оценку движущих сил революции, допускал, однако, „неправильный вывод“?

Секрет открывается очень просто. Выводы неверны только потому, что и вся оценка движущих сил будущей русской революции была ошибочной и неверной до конца.

Троцкий полагает, что Октябрьская революция не только исторически „оправдала“ его теорию „перманентной революции“, но она, якобы, доказала, что его теория движущих сил вела троцкизм прямым путем к большевизму, к ленинизму.

Это — сплошной самообман. Совсем наоборот!

Октябрь доказал полный провал, сплошное банкротство троцкистской теории движущих сил революции.

В то время, как троцкизм строил свою тактику на отрицании революционной роли крестьянства, на полном игнорировании этой социальной силы, Октябрьская революция победила только потому, что в 1917 году русский пролетариат получил исторически удобный случай установить связь с крестьянством. Мы имеем в виду империалистическую войну, которая выполнила крупнейшую организационную роль: организовала миллионы крестьян. Армия военного времени, достигшая 10-ти миллионов человек, теснейшим образом связывалась с деревней.

Здесь, несомненно, была сконцентрирована наилучшая и самая активная часть 100-миллионного русского крестьянства.

Исторически сложилось так, что война организовала пролетариату его естественного союзника в русской революции — крестьянство. Не подлежит сомнению, что война неизмеримо увеличила революционное значение крестьянства и усилила его общественную, политическую активность.

Но это не означает того, о чем пишет т. Троцкий, что революционная роль крестьянства в Октябре объясняется исключительно тем, что революция произошла во время войны, в которой распыленное крестьянство объективно было сведено в огромный коллектив, могущий действовать целой гигантской массой.

Троцкий об этом пишет так:

> „Но это вовсе не значит, что русская революция могла итти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 г. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война. Благодаря войне крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии“. („Уроки Октября“, стр. XIX).

Из этой цитаты т. Троцкого вытекают два вывода, которые он впоследствии делает.

Первый вывод: развитие революции могло бы пойти совершенно по иному пути, если бы не было войны,

Второй вывод: война создала временные условия, при которых крестьянство оказалось организовано и вооружено и потому сыграло столь выдающуюся роль в революции пролетариата.

Насчет первого вывода спорить вообще бесцельно. Такой спор был бы пустой болтовней, никчемным гаданием, „как пошло бы развитие классовой борьбы, если бы не было войны".

Вероятно, по-иному.

Вероятно, появились бы те специфические, иные черты, какие свойственны иным историческим условиям развития. Т. Троцкий с серьезным видом строит такие теоретические гипотезы. Но, разумеется, не так наивен и прост т. Троцкий, каким он может показаться в своих предыдущих рассуждениях. Рассуждениями о том, что развитие революции пошло бы, вероятно, по-иному, если бы не было войны, есть ловкая попытка построить „теоретическое прикрытие" обанкротившейся „теории перманентной революции".

Выходит, что уже не так „блестяще" оправдала себя эта теория, ежели приходится прибегать к такой защите.

Это, между прочим, становится еще яснее, когда переходишь ко второму выводу т. Троцкого, что война была временным и своеобразным условием организации и вооружения крестьянства, предоставившим ему возможность сыграть ту революционную роль, какую крестьянство сыграло между Февралем и Октябрем и позже, в Октябре.

Тут явный „нажим" на временные условия, тут явная, хотя и ловко замаскированная, попытка доказать: крестьянство сыграло свою революционную роль только потому, что война „организовала и вооружила его". В этом обнаруживается стремление „оправдать" позицию, построенную троцкизмом на игнорировании недооценки значения крестьянства, на отрицании его революционной роли.

Дальнейшие рассуждения т. Троцкого подтверждают это его стремление:

„Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, — об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне. В июле 1914 г. Петроград сотрясался революционными стачками. Дело доходило до открытых уличных столкновений. В этом движении безусловное руководство принадлежало подпольной организации и легальной печати нашей партии. Большевизм укреплял свое влияние в прямой борьбе против ликвидаторства и мелкобуржуазных партий вообще. Дальнейший рост движения означал бы прежде всего рост большевистской партии. Советы Рабочих Депутатов 1914 г.—даже если бы дело дошло до Советов—были бы, по всей вероятности, уже на первых порах большевистскими. Пробуждение деревни пошло бы под прямым и косвенным руководством пролетарских Советов, руководимых большевиками. Это не значит непременно, что эсеры сразу были бы обречены в деревне на исчезно-

> вение; нет, по всей вероятности, первый этап крестьянской революции прошел бы под народническим знаменем. Но при намеченном нами развитии событий сами народники оказались бы вынужденными выдвинуть вперед свое левое крыло, ища смычки с большевистскими советами в городах. Непосредственный исход восстания зависел бы, разумеется, и в этом случае, прежде всего от настроения и поведения армии, связанной с крестьянством. Невозможно, да и нет нужды гадать задним числом, привело ли бы движение 1914—15 гг. к победе, если бы не грянула война, включившая в цепь развития новое гигантское звено. Но много говорит за то, что, если бы победоносная революция развернулась по тому пути, началом которого были июльские события 1914 г., низвержение царизма означало бы, по всей вероятности, непосредственный переход к власти революционных рабочих Советов, которые через посредство (на первых порах) левых народников вовлекли бы в свою орбиту крестьянские массы" („Уроки Октября", стр. XIX, XX).

Мы повторили здесь почти целую страницу из „Уроков Октября" для того, чтобы читатель увидел, как мало понял т. Троцкий эти уроки.

Сплошной, беспросветный схематизм, фразы и фразы о том, „если бы да кабы, то тогда" и т. д. Целая программа отношений Советов с народниками в том случае, если бы Советы победили в 1914 г.

Непомерное усердие доказать, что, будь революция в 1914 году, Советы играли бы иную роль, а крестьянство—менее значительную. Это сквозит в каждой строчке. К чему все эти „тонкие" полеты фантазии и умозрительные предположения? Кому и для чего они нужны? Они предназначены для той цели, какой предназначено все введение к „1917 году",—показать, что „теория перманентной революции" оправдалась, а ежели, на худой конец, это недостаточно подтвердилось на Октябре, то, будь революция в 1914 году, „она оправдалась бы наверняка".

Такова цель всех рассуждений т. Троцкого.

Однако, исстари известно: „Логика вещей сильнее логики идей". Первое определяет второе.

Но Троцкий с этим никак не хочет помириться, поэтому выходит конфуз. Сплошной скандал. Ибо никакие „свидетели", никакие мотивы не способны спасти его теорию от провала.

Октябрь 1917 г. есть прямое опровержение позиции русских „перманентников".

Когда мы указывали на значение войны в организации крестьянства, то это нисколько не противоречит ленинской оценке революционной роли крестьянства. Война в данном случае вовсе не была тем историческим фактором, который превратил антиреволюционное крестьянство до войны в революционное во время войны. Такие, примерно, выводы вытекают из намеков т. Троцкого. Война революционную силу крестьянства организационно

аккумулировала. Этим она облегчила крестьянству выполнить свою историческую задачу, т.-е. роль решающей силы нашей революции.

Рассуждением об организации крестьянства во время войны т. Троцкий стремится доказать, что оно сыграло такую историческую роль лишь благодаря войне.

Это в корне неверно. Это—грубейшая ошибка, проистекающая из того, что он не понимает, не понимал и не может понять даже после октябрьских уроков значение крестьянства.

Как обстоит с остальными вопросами „теории перманентной революции"? С таким, скажем, вопросом, как рассуждение троцкистов, что русская революция может победить только с победой пролетарской революции в Европе? Едва ли меньший конфуз постиг „наших перманентников" и в этом вопросе. Русская революция победила, она благополучно развивается 8-й год, хотя революции на Западе еще нет и, очевидно, не будет годы.

По „троцкизму" выходит: революция в таком положении неизбежно должна потерпеть поражение или „сгнить на корню".

На деле вышло обратное? Революция победила даже в одной нашей стране. Сложилась такая историческая обстановка, при которой раздавить социалистическую республику империалисты не могут, хотя они еще неизмеримо сильнее нас.

Троцкизм утверждал: революция может победить в России только при условии развития революции в Европе, только в том случае, если наша революция немедленно развернется в мировую, минимум в европейскую. История, однако, пошла в своем развитии совершенно другими путями. Революции в Европе нет, она, повидимому, не победит еще годы, между тем, в России она победила и развивается, успешно продвигается вперед. Вышло по Ленину, а не по Троцкому.

Проблема движущих сил русской революции у Ленина.

Полную противоположность „троцкизму" представляет собой ленинская теория движущих сил русской революции.

В то время как троцкизм провозглашал голую формулу, выбрасывал революционный лозунг без достаточного учета соотношения классовых сил в стране, ленинизм дал такую теорию революции, которая целиком оправдала себя, выдержала испытание трех революций.

Мы считаем абсолютно необходимым рассмотреть главнейшие моменты ленинской теории, ибо без этого, во-первых, немыслимо понять подлинные исторические уроки Октября, во-вторых, нельзя ясно видеть глубину той пропасти, какая разделяет ленинизм и троцкизм в вопросе о движущих силах русской революции.

Выше мы указывали на то, что теория движущих классовых сил русской революции, построенная Лениным, прошла через

строгую историческую проверку, она прошла „чистку“ трех русских революций и оправдала себя. Ленинская теория движущих сил русской революции в своем развитии за последние послеоктябрьские годы сложилась в теорию пролетарской революции вообще. Ленинизм построил науку о пролетарской революции, которая есть развитие и дальнейшая разработка взглядов Маркса и обобщение того нового исторического опыта, который накопился у пролетариата в последние десятилетия. Теория „пролетарской революции и, стало-быть, теория движущих сил революции есть главнейший камень ленинского учения.

Троцкий стоит на совершенно иной позиции, на этот счет он придерживается другого взгляда, выдвигая теорию „идейного перевооружения“ ленинизма перед октябрем 1917 года (в апрельских тезисах Ленина), он стремится доказать, что большевизм ошибался как-раз в этом, самом сложном и решающем вопросе. Тем более создается необходимость рассмотреть ленинскую теорию движущих сил русской революции и тактику партии большевиков. Рассмотреть то и другое необходимо на фоне исторического развития. Надо проследить развитие взглядов ленинизма с начала до конца, до октябрьского переворота, вернее, позже, до появления статьи Ленина „Лучше меньше, да лучше“. Это даст возможность легче понять ленинскую революционную диалектику, его поразительное уменье ухватить в каждый конкретный исторический момент „основное звено исторического развития“.

Перейдем, однако, к рассмотрению взглядов ленинизма на характер русской революции и его оценку природы движущих сил.

Революция 1905 г.

Ленин рассматривает эту революцию, как демократическую, буржуазную:

> „Марксисты,—пишет он,—безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью, сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а, наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого, быстрого, европейского, а не азиатского развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии, как класса“ („Две тактики“, стр. 22).

Для Ленина это положение имеет огромное тактическое и практическое значение. Он отличался всегда от всякого рода любителей революционного фразерства (и в том числе троцкистов) тем, что каждое теоретическое положение он рассматривал не абстрактно, а проверял его политической практикой, историческим опытом, повседневной классовой борьбой.

„Настаивание на этой истине имеет для социал-демократии огромное значение не только теоретическое, но и практически-политическое, ибо отсюда вытекает обязательность полной классовой самостоятельности партии пролетариата в настоящем „общедемократическом“ движении („Две тактики“, стр. 23).

В вопросе об оценке характера русской революции в данном случае как-будто бы обнаруживается сходство взглядов у большевиков и меньшевиков.

Однако, это только кажущееся „сходство“, на самом деле выходило иначе.

Совпадение оценки характера революции 1905 г. отнюдь не устранило непримиримых разногласий об отношении к буржуазно-демократической революции. Меньшевики истолковывали чрезвычайно упрощенно буржуазную революцию. Они рассуждали, примерно, так: раз предстоящая революция буржуазная, то и рабочему классу в этой революции нечего претендовать на какую-то самостоятельную революционную роль. Революцию должна возглавлять буржуазия. У меньшевиков справа, как у троцкистов слева, была допущена одна и та же ошибка—непонимание исторической особенности русской революции, непонимание конкретных задач этой революции в России, неумение отыскать в этой революции те особенные черты, какие придавали буржуазно-демократической революции, по существу, иной характер, чем тот, какой носили все предыдущие буржуазные революции XVII и XVIII столетий. Признавая первое, меньшевики упускали второе, — не понимали особенностей русской революции. Эта позиция меньшевиков получила резкую оценку со стороны Ленина:

„Новоискровцы (т.-е. меньшевики. И. В.) в корне неправильно понимают смысл и значение категории „буржуазная революция“. В их рассуждениях постоянно сквозит мысль, будто буржуазная революция есть такая революция, которая может дать лишь то, что выгодно буржуазии. А между тем, ничего нет ошибочнее такой мысли. Буржуазная революция есть такая революция, которая не выходит из рамок буржуазного, т.-е. капиталистического общественно-экономического строя. Буржуазная революция выражает потребности развития капитализма, не только не уничтожая его основ, а напротив, расширяя их. Эта революция выражает поэтому интересы не только рабочего класса, но и всей буржуазии“ (Ленин, „Две тактики“, стр. 23).

Развивая эти положения, Ленин ниже приходит к выводам:

„В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочему классу безусловно выгодно устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма. Буржуазная революция есть именно такой переворот, который всего решительнее сметает остатки старины, остатки крепостничества,—

> к этим остаткам принадлежит не только самодержавие, но и монархия,—который всего полнее обеспечивает самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма“ („Две тактики“, стр. 24).

Кое-кому может показаться, что Ленин прямо-таки „воспевал“ качества и прелести буржуазной революции. В действительности было, однако, далеко не так. Точнее, это совсем не так. Ленин в 1905 году выступал с беспощадной критикой против фатализма меньшевиков и анархизма мелкобуржуазных народников. В первую очередь, против первых, которые „ссылками“ на буржуазный характер революции прикрывали свой оппортунизм, прикрывали соглашательскую тактику, проповедывали политическую пассивность, парализовали революционные силы пролетариата, стремились превратить русский пролетариат в пассивного участника или просто „соучастника“ главнейшего исторического героя, играть роль которого в революции, по их мнению, должна лишь буржуазия.

Такая, на первый взгляд, будто бы, „последовательная классовая тактика“ меньшевиков на самом деле есть оппортунизм чистейшей воды. Меньшевики передоверяли судьбы русской революции. Между тем, русская буржуазия оказалась исторически поставленной в такое положение, при котором решительно, последовательно идти на революцию она вообще была мало склонна. Она больше склонялась к тому, чтобы ограничиться нажимом на монархию, на царизм, дворян, добиться от него для себя необходимых уступок, после того пойти „на мировую“, на компромиссы. Исход революции 1905 года это полностью подтвердил. Буржуазия боялась революций, она великолепно понимала, в тысячу раз лучше меньшевиков и эсеров, что от революции, будет ли она по характеру буржуазной или иной, в первую очередь, выиграют пролетариат и крестьянство; меньше всего ей хотелось „шутить с огнем“. Ибо она видела опасность перерастания революции дальше тех целей и того исторического предела, какой предназначает буржуазия для себя.

Революция буржуазная способна перерасти в революцию, направленную против буржуазии. Особенность русской буржуазно-демократической революции 1905 года состояла в том, что победить она могла только против буржуазии.

Почему это так? Не скрывается ли под этим диалектическая игра словами? Как можно понять „буржуазная революция, но не победа буржуазии“?

Ответ на это мы находим в работе Ленина об уроках первой русской революции (1905—07 гг.).

> „Таким образом мы видим, что понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции. Возможны и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или торгово-промышленная буржуазия играла роль главной движущей силы.

Победа подобных революций была возможна, как победа соответствующего слоя буржуазии над ее противниками (в роде привилегированного дворянства или неограниченной монархии). Иначе обстоит дело в России. Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии" (Н. Ленин, Собр. сочин., т. XI, ч. 1, стр. 78).

И дальше Ленин говорит почему происходит такой исторический парадокс.

„Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата,—все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского).

Эта особенность обусловливает лишь контр-революционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в такой революции. Ибо „коалиция пролетариата и крестьянства", одерживающая победу в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" (там же, стр. 79).

Мы подошли к коренной проблеме партийной тактики большевиков в эпоху первой революции, к вопросу о „демократической диктатуре пролетариата и крестьянства". Троцкисты, противопоставляя ленинской теории демократической диктатуры пролетариата и крестьянства свою теорию перманентной революции (лозунг „без царя, а правительство рабочее") критиковали первую, как „идеалистическую" и даже „антиреволюционную".

„Выход из противоречия между классовыми интересами пролетариата и объективными условиями Ленин видит в политическом самоограничении пролетариата, при чем это самоограничение должно явиться в результате теоретического сознания, что переворот, в котором рабочий класс играет руководящую роль, есть переворот буржуазный. Объективное противоречие Ленин переносит в сознание пролетариата и разрешает путем классового аскетизма, имеющего своим корнем не религиозную веру, а „научную" схему. Достаточно лишь ясно представить себе эту конструкцию, чтобы понять ее безнадежно идеалистический характер" (Л. Троцкий, „1905 год", стр. 283).

С глубочайшим презрением относился Троцкийк идее „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Он считал такую идею „идеалистической схемой", „метафизической конструкцией".

Между тем, в теории „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“ Ленин впервые выдвинул идею „революционного союза пролетариата и крестьянства“:

„Указанный нами особый характер русской буржуазной революции выделяет ее из числа других буржуазных революций нового времени, но сближает ее с великими буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль“ (Н. Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 80).

Троцкисты и меньшевики каждые по-своему ошибались, каждые по-своему не понимали революционной роли крестьянства, ибо, отрицая лозунг „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“, они отвергали союз с крестьянством, без чего исторически немыслимо совершить демократическую революцию.

Что же такое конкретно представляет собой лозунг „демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“? И насколько она себя оправдала, скажем, в 1905—07 гг.?

„Коалиция пролетариата и крестьянства,—отвечает Ленин,—одерживающая победу в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“ (т. XI, стр. 79).

В другом месте (в полемике с Мартыновым) он дает еще более конкретное определение лозунгу „демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“:

„А что такое это давление пролетариата плюс крестьянства на верхи общества, что такое это движение пролетариата вместе с народом вперед, вопреки верхам общества? Это есть та революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, против которой ратует наш хвостист“ (Ленин, „Социал-демократия и временное революционное правительство“).

Все это достаточно убедительно доказывает, что лозунг „революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“ Ленин рассматривал как революционный союз пролетариата с крестьянством, как предпосылку к совместной борьбе этих двух классов со старыми крепостническими остатками, пережитками, с монархией, царизмом, помещичьим, дворянским рабством.

Для Ленина главным вопросом был: будет ли пролетариат в демократическом перевороте гегемоном или пассивным участником, придатком к буржуазии?

„Исход революции зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции“ (Н. Ленин, „Две тактики“).

Идея гегемонии пролетариата проходит красной нитью во

всех политических и теоретических работах Ленина по вопросу о движущих силах первой русской революции.

Либо пролетариат становится гегемоном и ведет за собой крестьянство, — тогда победа революции обеспечена.

Либо он оказывается не в состоянии выполнить роль руководителя революции,—тогда революция обречена на неизбежное поражение. В этом скрывается главная причина „своеобразия" русской буржуазной революции.

Для полноты мы считаем необходимым обратить внимание наших читателей на одно чрезвычайно интересное положение, дающее несравненно более точное определение революции 1905 года, чем все те, какие мы встречали до того у Ленина.

Речь идет о докладе Ленина „Кровавое воскресенье", написанном им к 12-летней годовщине (1917 г.), опубликованном в „Правде" 22 января 1925 г. Вот что он пишет там:

> „Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской. Она была буржуазно-демократической, так как целью, к которой она непосредственно стремилась, и которой она могла достигнуть непосредственно своими собственными силами, была демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения,— все меры, которые почти в полном объеме осуществила бы буржуазная революция во Франции в 1792 и в 1793 гг.
>
> Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий".

Этой истины не понимали меньшевики и троцкисты.

Оправдала ли история первой революции ленинскую концепцию движущих сил русской революции?

В различных формах и вариантах мы наблюдали осуществление революционной коалиции пролетариата и крестьянства, как в эпоху первой революции, так и после февраля 1917 г.

Эпоха нового подъема и нарастания революционных сил (1910—14 гг.) воочию показала, что Россия семимильными шагами приближалась к революции.

В Европе произошли колоссальные сдвиги в социально-классовых соотношениях. Капитализм, достигший зенита своего экономического могущества, в свою очередь, исчерпал себя исторически. Пролетариат превратился в самый жизненый, могущественный класс.

На историческом горизонте обозначилось наступление эры социалистических революций. Кризис капитализма, развернув-

шийся в кровавое всемирное столкновение 1914 г., поставил перед пролетариатом, как конкретную задачу, борьбу за социализм.

В конце 1915 г. Ленин выступает с новой блестящей статьей, в которой, подтверждая жизненность своей теории („демократической диктатуры“), однако, значительно расширяет ее указаниями на то, что революционный переворот и победа над царизмом в России, вероятно, будут использованы русским пролетариатом для борьбы за социалистическую революцию. Русская революция при данных условиях может в своем развитии перейти на новый этап, т.-е. перерасти из революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Против социал-шовинистов, Плеханова, Чхеидзе и сторонников „перманентной революции“, он выдвинул следующую программу:

> „Беззаветно смелая революционная борьба против монархии (лозунги конференции января 1912 г., „три кита“) — борьба, увлекающая за собой все демократические массы, т.-е., главным образом, крестьянство. А вместе с тем беспощадная борьба с шовинизмом, борьба за социалистическую революцию Европы в союзе с ее пролетариатом. Колебания мелкой буржуазии не случайны, а неизбежны, они вытекают из ее классового положения. Военный кризис усилил экономические и политические факторы, толкающие ее, — и крестьянство в том числе,—влево. В этом объективная основа полной возможности победы демократической революции в России. Что в Западной Европе вполне созрели объективные условия социалистической революцию,—этого нам нет надобности доказывать здесь; это признавали до войны все влиятельные социалисты во всех передовых странах“ (Собр. соч., т. XIII, стр. 212—13).

Здесь мы уже встречаем налицо все теоретические элементы, которые легли в основу знаменитых апрельских тезисов о характере нашей революции. Тем более кажутся странными и малопонятными рассуждения т. Троцкого о том, что „речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы“ (Л. Троцкий, „Уроки Октября“, стр. XXVII).

Только любитель головокружительных сенсаций способен решиться на доказательство того, что программа борьбы за социалистическую революцию для большевиков в 1917 г. была чем-то в роде „взорвавшейся бомбы“.

Неверно, в корне неверно такое положение. И лучше всего это подтверждает приведенная выше ленинская цитата.

Мы здесь имеем дело не с „взорвавшейся бомбой“, а с исторической диалектикой: пример того, как исторически перерастает демократическая буржуазная революция (запоздавшая) в революцию социалистическую.

Троцкизм в 1905 г. дал неверную оценку движущих сил русской революции. Он не понял характера революции, он оказалася бессильным понять механику классовых взаимоотношений.

Он проглядел такую „мелочь“, как крестьянство. Между тем, крестьянство сыграло не только в демократическом (февральском) перевороте, но и в социалистическом (октябрьском) роль одной из основных, – если не сказать: решающей—силы.

Мы перед Октябрем вели с эсерами бешеную, прямо-таки отчаянную войну за крестьянство. В аграрной программе мы пошли на то, что осуществили все требования крестьянства, в некоторой части расходившиеся с нашей аграрной программой, для того, чтобы установить с крестьянством революционный союз, без чего победа в Октябре была бы недостижима. Завоевание многомиллионного крестьянства на нашу сторону оказалось исторически непреложным, необходимым даже для социалистической революции. Тем более немыслимо было совершать буржуазно-демократическую революцию, без активного участия крестьянства, игнорируя его роль, предоставляя его собственному течению, что означало бы на деле передать руководство крестьянством буржуазии.

Имеет ли такая теория что-либо общее с ленинизмом или с теорией перманентной революции у Маркса? Ничего общего.

Было бы величайшим принижением марксизма сравнивать „теорию перманентной революции“ русских троцкистов с теорией 1850 года у Маркса.

Там дана характеристика общественных сил и политических позиций партий и классов того времени. Здесь же отсутствие понимания характера революции, недооценка, недоглядка такой решающей силы для аграрной России, как крестьянство.

Что может быть общего между такими позициями?

Теория перманентной революции потерпела полное крушение. Едва ли сумеют скрыть ее поражение наши троцкисты, упорно ищущие лазейку для самооправдания.

К сожалению, т. Троцкий и поныне цепляется за свои старые ошибки, не желая, по словам Ленина, „подумать над тем, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории“.

ГЛАВА IV.

К внутрипартийным разногласиям 1923 года.

Нужна ли коренная ревизия линии партии?

Развернувшаяся дискуссия о внутрипартийных задачах за свой сравнительно короткий срок, однако, уже выдвинула перед партией ряд таких моментов теоретического, политического, тактического и организационного характера, по поводу которых партия должна будет, очевидно, по примеру прошлых предсъездовских (по преимуществу) дискуссий, дать оценку всем причинам и предпосылкам, обусловливающим как факт появления самой дискуссии, так и круг тех вопросов, которые встали в центре ее внимания, и вынести по ним свое решение.

Начнем с оценки факта возникновения дискуссии. На первый взгляд развертывающаяся дискуссия кажется как-будто бы самой обыкновенной вещью. Толкуют люди „об азбучных истинах демократии“, о массовой работе, о поднятии коллективной мысли партийного середняка, о пределах централизма в партийном аппарате, о допущении критики внутри партии и т. д., и т. п.; словом, все перечисленные вопросы не один раз дискутировались и обсуждались в партии и обычно занимали внимание наших конференций и партийных съездов. Тем не менее, было бы ребяческой наивностью, непростительным политическим промахом не видеть за строением перечисленных вопросов, поставленных на дискуссию, того основного, что определяет дискуссию в целом, и что в некоторой степени ее вызвало.

Вопросы поставлены как-будто бы практические, но один факт обсуждения разносторонних вопросов, начиная с тех, которые относятся к организационной структуре наших партийных аппаратов и кончая тактическим поведением ячеек на предприятиях, где речь идет не о чем ином, как о взаимоотношении нашего низового партийного звена, ячейки, с рабочей массой (т. е. фактически идет обсуждение вопроса взаимоотношений партии с рабочей массой),— об этом вполне определенно и, в некоторой степени, верно пишет т. Зиновьев в своей ноябрьской статье,—

доказывает, что происходящая дискуссия вызвана в результате сложившихся в партии тактических разногласий по коренным вопросам, обсуждению которых был посвящен десятый съезд партии.

Чем отличалась дискуссия, происходившая на десятом съезде, главным образом, с группой „рабочей оппозиции", от той, которая развязывается в настоящий момент? Разница, несомненно, есть, но разница больше в размере, в самом размахе, но не в существе. Дискуссия 1921 года отличалась прежде всего наличием тогда в партии определенных внутрипартийных и „антипартийных" группировок, сложившихся в виде фракций вокруг собственных платформ со своей фракционной дисциплиной. В настоящий момент, ко всеобщему удовольствию партии, официально пока-что нет еще таких „группировок с платформами". Когда, однако, читаешь такие вещи, как статью т. Преображенского, появившуюся в „Правде", в которой он, впавший в сомнение насчет линии нашей партии за время нэп'а, считает необходимым поставить на обсуждение, на пересмотр, на генеральную ревизию всю политическую линию партии, ибо, по его мнению, „партия вот уже два года ведет в основном неверную линию в своей внутрипартийной политике. Эта политика оказалась в резком противоречии с теми задачами, которые выдвигает перед нами нэп", и далее автор утверждает, что „ошибка партии делается теперь с каждым днем все очевиднее, и задача заключается в том, чтобы не упрямствовать в деле ее признания" и дальше в том же духе,—тогда вполне законно возникает вопрос: не есть ли это выступление с программой коренного ревизионизма, выступление по внутрипартийным разногласиям насчет основной линии партии? Мне сдается, что такое выступление, как статья т. Преображенского, есть политически законченная и логически оформленная оппозиция против линии партии за период нэп'а.

Тов. Преображенский берет всю историческую работу партии за годы Нэп'а под сомнение. Он призывает партию к откровенному признанию своих ошибок, которые становятся „с каждым днем все очевиднее"!

Наша партия никогда не страдала отсутствием самокритики и недостатком смелости открыто признавать свои ошибки, учитывать их уроки. В противоположность мелкобуржуазным, „ортодоксальным" в кавычках марксистам из меньшевистского лагеря, замалчивающим собственные ошибки, неспособным во-время их подмечать, а стало-быть, и неспособным в будущем избегать их повторения,—большевизм из своих ошибок никогда не делал секретной болезни. Тут мы иногда даже перехватываем. Это для нашей партии такие абсолютные истины, что их как-то даже неловко повторять.

Если ошибки есть, признавать их надо. Мы такой пример имеем, хотя бы с нашей оценкой августовских и сентябрьских событий в Германии. Партия без всяких колебаний заявила, что в германских событиях некоторые стороны были недооценены. Кризис в Саксонии и Тюрингии открыл перед нами недостаточно

предусмотренные моменты, учесть которые почти не было возможности, которые, однако, потребовали от нас внесения коррективов в оценку положения.

По меньшей мере, смешно упрекать партию, что она „упорствует“ в признании и устранении ошибок. Но ошибка ошибке рознь! Одно дело, когда речь идет о повседневных недочетах и ошибках, допускаемых неизбежно каждым практическим партийным организатором, партийным секретарем, политиком-журналистом, и совсем другое дело, когда речь заходит о „в основном неверной линии партии“ на протяжении всего периода нэп‘а, исторически важнейшего, наиболее сложного и наиболое опасного для партии.

В этом случае одной традиции большевизма, одной склонности партии к признанию собственных ошибок еще мало. Тут необходимы факты и обоснованные доводы. Без них всякие разговоры будут праздным занятием досужих людей, хотя бы и очень почтенных и уважаемых.

Т. Преображенский ставит вопрос ребром. Такая постановка вопроса является, безусловно, неверной, вреднейшей и опаснейшей для партии, но, поскольку она есть, постольку нам нельзя обойти ее молчанием. Раз в партии сложилась идеология ревизионизма в отношении тактической линии партии за период нэп‘а, да еще выраженная устами одного из теоретиков-коммунистов, нам необходимо начать дискуссию с выяснения этого вопроса. Смешно заниматься рассуждениями о вреде организационных недочетов и бюрократических извращениях партийного аппарата, когда люди ставят под сомнение всю историческую позицию партии.

Очень жаль, что нам перед лицом сложнейшей внешней обстановки приходится дискутировать по поводу основной линии партии, которая как-будто бы вполне положительна. Т. Преображенский нас возвращает назад к дискуссии 1921 года, которая эхом отражается в развернувшейся в настоящий момент. Разумеется, в тысячу раз было бы более полезно заняться обработкой практических организационных вопросов, подводить практические итоги партийным достижениям за истекший период и на основе их, с одной стороны, а учета существующей обстановки и культурного и политического роста рабочих масс — с другой, эти организационные и политические итоги закреплять в соответственно измененные, переработанные организационные формы.

На каждого из нас ложится величайшая ответственность за ту работу, какую вела партия за последние два года и потому нельзя обойти молчанием такие выступления, тем более, что приблизительно в таком же направлении у нас продолжается тяжба с политическими противниками, расположенными за рубежом нашей партии.

Есть ли необходимость пересматривать основную линию партии? Для того, чтобы дать ответ на этот вопрос и не говорить о разных вещах, необходимо точно условиться, что мы подразумеваем под „основной линией партии“. Без этого невозможно

добиться ясности в дискуссии, немыслимо дать ту или иную оценку. Каждый исторический период ставит перед партией, в сумме многочисленных и разнообразнейших задач, ряд коренных, так-называемых основных для данного момента, в свою очередь, обычно обусловливаемых исторической особенностью данного периода. Нэп поставил перед партией ряд новых, основных, именно решающих задач, с разрешением которых была связана не только дальнейшая судьба нашей партии, но и революции в целом. Конкретно эти задачи можно формулировать следующими общими пунктами: 1) переход от хозяйственной системы так-называемого „военного коммунизма“ к государственному капитализму; 2) переход от продразверстки к продналогу, а впоследствии — от продналога к единому с. х. налогу; 3) установление товарооборота между городом и деревней; 4) установление прочного союза рабочих и крестьян, как необходимой базы диктатуры пролетариата; 5) сохранение и усиление профсоюзов, как основной массовой организации пролетариата, его организационного классового позвоночника; 6) изжить кризис партии, который особенно отчетливо выявился в дискуссии 1921 года; 7) уберечь партию от развала, распада, уклонов в условиях растущей частно-собственической товарной стихии нэп'а.

Вот примерно те важнейшие проблемы, которые встали перед партией после десятого съезда, как решающие и исходные для исторических судеб русской революции. О делах партии, о ее поведении, ошибках, успехах за истекший период можно судить только в результате полнейшего учета достижений политики партии в этом направлении.

Каждому, кто в оценке линии партии встает на платформу оппозиции, следует прежде всего исходить из конкретных и определенных доказательств ошибок партии, допущенных и умножаемых при разрешении перечисленных задач.

Мы глубоко сомневаемся, что кто-либо докажет ошибочность основной линии партии в разрешении стоявших перед ней хозяйственно-политических и организационных проблем, ибо это утверждать можно только в том случае, если впасть в полнейшее противоречие с действительностью. Каждый рабочий нашего союза великолепно видит и материально ощущает, что в основном партия прошла успешно сквозь строй невиданных опасностей и осложнений, лежащих на ее пути при переходе от военного коммунизма к государственному капитализму. На плечи партии была возложена тягчайшая задача. Надо было перейти от одной хозяйственной системы к другой,—перейти от системы военного коммунизма, построенной на отрицании товарных отношений и почти поголовной регламентации процессов распределения средств существования,— к государственному капитализму, восстанавливающему товарные отношения. Партия должна была произвести величайший перелом, небывалую в истории „перепряжку“ нашей хозяйственной системы.

Для партии это была гигантская задача, особенно, если учесть всю особенную сложность условий и внутренних, и внешних, в которых мы тогда находились. Тем не менее, партия эту задачу преодолела, и преодолела, вопреки рассуждениям и бесчисленным пророчествам противников, сравнительно успешно. Бесспорно, что система организации государственной промышленности у нас очень далека от совершенства. Государственные тресты, синдикаты чрезвычайно неуклюжи, недостаточно работоспособны, иные бюрократичны. Отсутствует определенная устойчивая система производства, весьма слабо сказывается плановое руководство и регулирование госпромышленности, рынка и кредита[1]. Но все эти чрезвычайно важные недочеты, однако, не умаляют значения достигнутого партией успеха. Партия справилась с задачей перестройки нашей хозяйственной системы,—больше того: за этот период она добилась производительного подъема, как в промышленности, так равно и в сельском хозяйстве. Валовая продукция сельского хозяйства в 1923 году исчисляется, примерно, в 75 проц. довоенной, в то время как в 1921 году она не превышала 55—60 проц. В промышленности мы достигли примерно 40—45 проц. довоенной продукции, а в 1921 году она равнялась всего 23—27 проц. Цифры сами за себя говорят. Следует прибавить значительный процент, благодаря восстановлению и росту местного хозяйства, который, к сожалению, пока-что нами почти не учитывается. *Столь же положительный баланс для линии нашей партии* дает анализ движения заработной платы. Материальное улучшение рабочих налицо, за один только 1923 год (вторая половина которого переживала острую депрессию рынка), заработная плата в общем увеличилась с 8—10 проц. Нужны ли более убедительные доводы? Оппозиция выводит „отрицательный баланс" для нашей партии, но простое сопоставление цифр опровергает в корне ее выводы.

Мы ограничимся общими данными, ибо не собираемся писать отчет о советской экономике периода нэп'а, этим надо будет заняться особо.

Как прошла реорганизация нашей налоговой политики, переход к продналогу и впоследствии к единому с. х. налогу? Партии предстояло проделать и в этом направлении громаднейшую работу. На десятом съезде партии на этот счет были некоторые разногласия, сомнения и неуверенность, тем не менее, свою налоговую политику партия провела весьма успешно, а это было самым необходимым условием к сохранению дружбы с крестьянином. Теперешняя система сельскохозяйственного налога достигла значительного совершенства и свела к минимуму недочеты. Несравненно хуже обстоит дело с товарооборотом между городом и деревней. Общий товарооборот у нас неуклонно растет, ширится; но в этой области мы очень много

---

[1]) Эта характеристика относится к концу 1923 года; с тех пор многое изменилось к лучшему, особенно в работе нашей государственной промышленности.

не доделали. Наличие пресловутых „ножниц" остается опаснейшим симптомом, который в своем развитии и углублении таит угрозу разорвать смычку с крестьянством. Виновата ли партия в том, что на рынке сложились, верней, образовались „ножницы"? Разумеется, некоторая доля вины ложится и на нас. Ряд привходящих причин: слабость хозяйственного аппарата, отсутствие гибкой подвижной торговой системы, высота накладных расходов, высота издержек по производству, низкая организация производства,—все это, в конечном счете, содействует увеличению стоимости промышленных товаров и расхождению цен. Будет совершенно неверным и даже опасным отрицать это обстоятельство и снимать с партии ту часть вины, которая на нее ложится.

Но, в свою очередь, в корне также неверно свалить всю вину за „ножницы" на партию. Подробные и разносторонние данные, собранные многочисленными комиссиями Госплана, и в том числе комиссией ЦК партии, вполне отчетливо освещают главные пружины, вызывающие резкие расхождения цен.

В этом отношении тов. Кржижановский совершенно прав, когда он, в своем докладе на фракции третьей сессии ЦИК'а (ноябрь 1923 г.), указывал, что „основную пружину ножниц мы должны искать в наших производственных отношениях". Не подлежит сомнению, что „диспропорцию производственных отношений в сельском хозяйстве и промышленности надо считать главнейшим, если не решающим фактором, лежащим в основе „ножниц", но также верно, что этот фактор, будучи основным, не есть окончательный".

Партия обязана на этот счет иметь определенное и вполне установленное положение. Надо понимать, что нам предстоит длительный период (возможно, несколько лет) пережить, пока мы добьемся устранения диспропорции производственных отношений между с. х. и промышленностью[1]). Ставить ставку исключительно на Госплан, строить из него панацею, выводить из этого все предпосылки партийной политики, которая как-будто бы в силе уничтожить „ножницы", значит не понимать экономической действительности, недооценивать ту историческую тенденцию в развитии хозяйственных отношений города с деревней, которая сложилась в особо-специфических условиях перехода от военного коммунизма. Партия обязана приковать свое внимание к хозяйственным задачам страны. Здесь ей необходимо проявить волю, решительность; она должна завершить и довести до конца ту линию и тот курс, который с значительным успехом проводится после решений последних двух пленумов Центрального Комитета (сентябрьского и октябрьского). Но совершенно нет оснований пересматривать „линию в основном", и ничем не вызывается необходимость ревизии (ревизионизма) основной линии партии за период нэп'а. Экономическая политика партии получила свое

---

[1]) Оказалось, что в течение одного года решительной политики партии по понижению цен на промышленные товары мы добились уничтожения „ножниц".

историческое оправдание. Конечно, практическая сторона текущего хозяйственного строительства не обошлась без ошибок и недочетов. На это мы не закрываем глаза. Над устранением их партия работает.

О „балансе периода нэп'а".

Центральным вопросом нашей политики в период нэп'а стояла смычка с крестьянством. Каковы результаты в этой области? Смычку с крестьянством мы установили. Во время дискуссии 1921 года мы имели налицо разрыв с крестьянством. События в Кронштадте были нечто в роде политического выражения этого разрыва. В ряде поволжских губерний, в Сибири, на Украине свирепствовал бандитизм, встречавший сочувствие со стороны внушительной массы крестьянства. И тот же т. Преображенский на десятом съезде партии, учитывая тогдашний кризис обмолвился, что, быть-может, нам предстоит пережить такой год, который не даст возможности созвать наш очередной партийный съезд в срок.

Каково же наше положение в настоящее время, каковы взаимоотношения с крестьянством?

У нас нет идеального союза с крестьянством. В деле установления смычки с деревней можно и необходимо сделать много лучшего. Тем не менее, основной договор, так-сказать, исторический вексель, который мы подписали с крестьянством весной 1921 года, мы сохранили, оправдываем и погашаем. За период нэп'а крестьянство пережило внутреннюю хозяйственную, а стало-быть, и политическую диференциацию. Естественно, что этот процесс требует от партии совсем новых методов работы в деревне, иных методов подхода к крестьянству. С крестьянством нам придется заниматься, как с основной внутренней политической проблемой десятилетия и даже в том случае, если в ближайший период победит революция в Европе и тем самым усилит предпосылки возрождения социалистических элементов в нашем хозяйстве и укрепит индустриальную базу Советского Союза. Крестьянство остается и в настоящий момент в центре политики нашей партии.

Но есть ли какие-либо данные или потребности к тому, чтобы менять линию партии по отношению к крестьянству? Разумеется, нет. Наша линия, наш исторический опыт, обобщенный в теоретическую и тактическую систему принят Коминтерном. В борьбе за диктатуру пролетариата каждая компартия любой европейской страны встает прежде всего пред проблемой Союза с крестьянством. Поэтому будет просто неправильным доказывать, что партия ошибалась в своей линии по отношению к крестьянству.

Вопрос о профсоюзах. В настоящий момент он не возбуждает в партии ни сомнений, ни разногласий. Наша партия наметила совершенно верную позицию во взаимоотношении с профессиональными союзами, правильно оценила роль и задачи профессиональных союзов. Нынешние итоги оправдывают это целиком. Правда, на одиннадцатом съезде этот вопрос снова обсуждался,

но одиннадцатый съезд только подтвердил решения десятого съезда и наметил ряд новых организационных изменений, вытекающих из изменения в соотношениях рабочих с предпринимателями. Профсоюзы имеют еще большие недочеты. Их низовые ячейки (фабзавкомы, культкомиссии, РКК) зачастую малоавторитетны, слабы, недостаточно работоспособны, работают по-казенному. Партия подчеркивает это обстоятельство. Необходимо развернуть массовую работу профсоюзов, оживить и поднять самодеятельность и политическую активность профессиональных работников. Нашим партийным комитетам необходимо провести самую широкую и внимательную работу в этом направлении.

Беспартийный рабочий значительно вырос за годы революции. Он осознал себя и свою политическую роль, как представителя господствующего класса. Профсоюзам следует учесть это обстоятельство и соответственно тому перестроить формы профессиональной работы и изменить методы массовой работы.

Перейдем к вопросу о положении партии и внутрипартийном состоянии. В эпоху нэп'а партия вступила значительно ослабленной и расшатанной. Перед тем она пережила острую внутреннюю дискуссию, которая моментами угрожала вылиться в раскол. Нэп, в свою очередь, означал начало такой исторической полосы в революции, которая объективно далеко не благоприятствует созданию единства, сплоченности, идеологической выдержанности и устойчивости в партии. Наша партия сохраняет в своих рядах большой процент мелкобуржуазных крестьянских элементов. В эпоху военного комунизма она, как партия побед и господствующая, имела примазавшихся попутчиков, шкурников, карьеристов и втянутых во время революции выходцев из других мелкобуржуазных, большевизму враждебных партий (меньшевиков, эсеров). В целях обеспечения и сохранения единства и создания более или менее устойчивых гарантий от уклонов и раскола партия провела у себя такую меру, как чистку, ввела институт контрольных комиссий. Одиннадцатый съезд партии пошел дальше. Он стал перед необходимостью ограничения размеров внутрипартийной демократии, установлением стажа для руководящих учреждений нашей партии, для секретарей и членов губкомов, секретарей и членов укомов и т. д. В условиях сложнейшей обстановки, когда товарная стихия захлестывает рабочий класс и партию, надо было гарантировать, застраховать себя от колебаний и ошибок, к которым, по своей природе, наиболее склонна мелкобуржуазная часть. Нужно было провести партию через пороги архитрудной исторической обстановки. Совершенно ясно, что в таких условиях партия должна была опереться на свою рабочую часть и обеспечить руководство партии за старым испытанным большевистским ядром.

Коренная задача партии состояла в необходимости сохранить единство, сплоченность и организационные способности к массовой работе.

Разрешила ли партия, поставивши перед собой, эту задачу? Мне кажется, что на этот счет не может быть сомнений. Партия без каких бы то ни было серьезных ошибок прошла невредимой

период нэп'а в революции. Она сохранила свое единство, все свои качества пролетарского авангарда. За последний год она количественно значительно выросла, качественно (особенно молодежь) усилилась. Партийная молодежь тысячами проходит сквозь сито наших политкружков, совпартшкол, коммунистических университетов. Уже складывается значительный запасный фонд новых молодых сил. Политический уровень партии поднялся. Политпроверка любой местной организации это вполне подтверждает.

Мы имеем в организационном отношении сильный партийный аппарат. Есть масса недочетов, скажем, хотя бы по части политической активности масс, выявления коллективной мысли и активности партийного середняка. В работе заводских ячеек мы наблюдаем отсутствие необходимых навыков, неумение вести глубокую массовую работу на предприятии. В партийных комитетах мы наблюдаем уклоны от внутрипартийной демократии, чрезмерный централизм и казенщину, доходящие до бюрократического извращения внутрипартийных отношений, возведения в некоторых случаях назначенства в систему, процветание протекционизма, есть подхалимство и отсутствие товарищеских отношений, оскудение мысли и чиновная узость, особенно той части партийных работников, которая занята в специальных, узких областях работы. Все это, несомненно, есть отрицательнейший пробел внутри нашей партии. Бороться с ним надо самым решительным образом. Нужен всеобщий поход партийной мысли, нужно заострить партийное внимание на борьбу со всеми теми явлениями, которые извращают природу партийного организма.

Однако, общие выводы у нас сводятся к заключениям, совершенно противоположным тем, какие делает оппозиция. Мы имеем внутри партии много отрицательных явлений, но основной „баланс периода нэп'а“ выводится не отрицательным, а положительным для партии. И нет никаких оснований пересматривать в корне, в основном линию партии. Объективно она вполне оправдывается общими итогами нашей политики за истекшие годы.

Партаппарат и демократия.

Повидимому, мы еще не раз будем возвращаться в своих партийных дискуссиях к вопросам о внутрипартийной демократии, ибо это один из основных вопросов внутреннего строения партии, внутренних взаимоотношений членов партии и отдельных организаций, ибо принцип демократического централизма является основой организации партии. Это особенное свойство организационного принципа красной нитью проходит через всю историю нашей партии. Еще накануне раскола на большевиков и меньшевиков т. Ленин выпустил свою знаменитую книгу „Что делать?“, в которой он в числе многочисленных вопросов партийного строительства, вопросу отношения к внутренней демократии и к централизму уделил центральное место.

Не будет преувеличением сказать, что сам раскол с меньше-

виками в значительной своей степени был вызван непримиримыми разногласиями по вопросу о внутрипартийной демократии, по вопросу о том, по какому принципу строить партию. Наша партия вопрос о внутрипартийной демократии ставила постоянно конкретно, в соответствии с той исторической обстановкой, в которой она живет и работает. Историческая диалектика классовой борьбы находит, в свою очередь, отражение и в нашей партии. Поэтому в корне ошибочно из внутрипартийной демократии строить фетишизм, строить постоянную, непеременную догму, вставать слепо на колени „перед принципом неукоснительности демократии". Это напомнило бы нам о твердокаменных принципалистах „чистой демократии".

Внутрипартийная рабочая демократия необходима для партии, как воздух для легких. Партия обязана выковывать свою политическую мысль из коллективного мнения членов, она будет жизнеспособной и сильной лишь тогда, когда есть налицо высокая активность членов партии; тем более это необходимо для партии пролетариата, которая своим середняцким рабочим слоем связывается с массами, с производственной базой, т.-е. с основными, решающими силами класса.

Исходя из этого бесспорного положения, складывалась позиция большевизма: в основе внутренних взаимоотношений членов партии и организации лежит принцип внутрипартийной демократии.

Но на одном принципе демократии партию не построить. Партия должна представлять из себя такой политический организм, который организационно спаян и крепко связан системой централизма и внутрипартийной дисциплины. Без централизации, без подчинения меньшинства большинству, без исполнительных обязанностей членов партия не только не может быть сильной, но вообще неспособна существовать, как партия, и выполнять исторические задачи революционного авангарда рабочего класса, вождя революции. Как примирение, как синтез, большевизм выдвинул чрезвычайно удачную организационную схему—демократический централизм. В основе работы лежит демократия, т.-е. обсуждение основных тактических, теоретических и программных проблем партией в целом, во-первых, и выборность партийных комитетов, во-вторых. Но когда решение принято, воля партии выявлена, тогда требуется строгая подчиненность членов партии руководящей директиве центрального и местного партийных комитетов. Практически мы часто были поставлены перед необходимостью отступать от этого правила, ограничивать демократию. Так мы поступали при создании партии, когда под руководством Ленина выковывали кадры „революционеров - профессионалистов" (тоже была личная групповая „ерархия"!) и шли сознательно, без рабских предрассудков и слепого поклонения перед демократией на урезывание ее.

Наша партия, как правящая, концентрирующая в своих руках руководство гигантским государством, должна обладать сильным аппаратом, при помощи которого она могла бы проникать во

все области государственной жизни, осуществляя всестороннее руководство. Разумеется, без сильного и прочного аппарата она неспособна выполнить указанную задачу. Мы все очень хорошо помним 18 и 19 гг., когда имели еще только-что оформившийся и сравнительно слабый партийный аппарат. Безусловно, нельзя сравнивать работу того периода и задачи, которые стояли тогда перед партией, с теми, какие встали перед нами в 1923 году, после шести лет пребывания партии у власти. В настоящий момент партийная работа в сотни раз более сложная, более практическая, конкретная, разносторонняя, разнохарактерная. И только при наличии очень сильного партийного аппарата партия может обеспечить за собой руководство государственным аппаратом, весьма бюрократическим и громоздким. Идея организации РКП, выдвинутая Лениным перед двенадцатым съездом, несомненно, вытекает из необходимости усилить руководство и влияние партии на государственный аппарат, усилить руководство партии государственным строительством. Государственный аппарат пока-что пропитан насквозь бюрократическими пережитками и старым чиновничьим элементом, действующим зачастую определенно против нас, и, повидимому, нужна будет еще длительная, усиленная работа для того, чтобы положение изменить, улучшить, создать подлинно, по существу, пролетарский тип государственного аппарата, работающий с точностью и без перебоя под общим руководством партии. Потребуется воспитать целые поколения новых людей, которые могли бы работать в этом государственном аппарате по-новому, с учетом достижений в области научной постановки, труда и которые не имели бы за собой вековую традицию бюрократизма. Стало-быть, пока этого нет, весь пробел в государстве необходимо пополнять партии.

Партия должна собственными силами, своим аппаратом на деле руководить государством, выполнять иногда даже техническую роль. В результате этого складывается громоздкий партийный аппарат, вырастает целая махина, которая своей сложностью давит сверху; отсюда многочисленность циркуляров, директив, инструкций по различным областям, для исполнения которых еле хватает времени у рядового члена партии и даже члена партии среднего губернского масштаба. С точки зрения внутрипартийных задач, внутрипартийного состояния, это есть в некотором роде зло, ибо каждый член партии ограничен и в политической, и организационной самостоятельности и обязан исполнять и исполнять директивы высших партийных инстанций. Благодаря этому, его уделом становится исполнительная, техническая роль в политике партии. Но партия не может отказаться от руководства государством, это только подтверждается, но отнюдь не отрицается всеми итогами периода нэп‘а, поэтому нельзя просто „отмахнуться“ от директив партийных центров, которые дает ЦК при разрешении партией той или иной задачи.

Политическая активность масс, политическая самостоятельность массовика есть лучший признак силы партии, в этом направле-

нии нам необходимо провести самую внимательнейшую работу. Все, что тормозит, все, что лежит не пути, что суживает, умаляет активность, должно быть искоренено, выброшено из партии. Эту сторону (политическую активность) нам надо выявлять в массах и возводить в непременный закон внутри партии. Но сделать это надо, не исходя из отрицания организационной силы партии и борьбы против партаппарата, а, наоборот, в пределах усиления, укрепления партийного аппарата. Иначе в наших условиях партия не может руководить.

Тот, кто мечтательно уносится в прошлое партии и борется против сильного партаппарата, тот тащит партию назад, а нам надо как-раз итти вперед. Вредное бюрократическое преувеличение—возводить аппарат партии в степень решающего фактора партийной жизни, но, однако, не менее ошибочно недооценивать его роль в партии и даже в революции. Нам нужен сильный, здоровый (работающий не по-казенному) партаппарат.

Как обстоит у нас в настоящий момент дело с демократией в партии, и как следует этот вопрос ставить?

К вопросу о внутрипартийной демократии мы обязаны подойти с учетом всех особенностей современной обстановки. Начать обсуждения нужно с рассмотрения решений одиннадцатого съезда партии. Такова ли сейчас обстановка, чтобы партия могла от них отказаться? Когда оппозиция упрекает партию в том, что она не проводила постановлений десятого съезда, она эти упреки должна направить, прежде всего, по адресу решений одиннадцатого съезда. Одиннадцатый съезд партии ограничил, окорнал, сузил решения десятого съезда партии. Устанавливая принцип подбора по стажу и предоставляя Центральному Комитету право окончательного утверждения секретарей губкомов, а губкому, в свою очередь, предоставивши право окончательного утверждения секретарей укомов, райкомов, он этим самым сузил размеры внутрипартийной демократии, ибо смешно говорить о демократии (полной), когда установлены такие ограничения. Правильно ли, однако, такое решение съезда, и следует ли еще сохранить его в нашей партии?

Мы живем в условиях чрезвычайно осложненных, мелкобуржуазная стихия, пущенная по каналам товарного обращения, не утратила за собою силу влиять на нашу партию. Происходит беспрерывная перегруппировка сил, социальная база партии находится в беспрерывной изменчивости, каждый шаг в развитии экономики страны сейчас же сказывается на соотношении сил, сейчас же вносит ту или иную передвижку. В таких условиях для партии необходимо сохранить величайшее единство и устойчивость. Как гарантировать себе это, как обеспечить единство, устойчивость и возможность избежать идеологических колебаний и внутрипартийного распада, который крайне опасен и отнюдь не исключен, поскольку рабочий класс в первые годы нэп'а только оформляется, поскольку происходит „собирание" рабочей земли.

Для того, чтобы добиться этого, партия обязана предоставить решающее право руководства партией большевистскому теоре-

тически и революционно воспитанному ядру. Старый испытанный большевистский авангард партии, прошедший школу десятилетий, школу подполья, прошедший школу тактической мудрости,—вокруг этого ядра, как вокруг основного руководящего и решающего, должна сплотиться партия. Наша партия далеко не однородна, мелкобуржуазные шатания, которые свойственны рабочему, окруженному активно усиливающейся мелкой буржуазией, неизбежно попадают и в партию. Партия должна быть сплоченной вокруг этого испытанного большевистского ядра. Исторически наша партия выковала себе такое ядро, и в этом ее величайшие преимущества перед всеми другими партиями, которые входят в Коминтерн.

Германская коммунистическая партия не имеет этого ядра, не имеет кадра политических вождей, и поэтому она неизбежно иногда допускает ошибки, которые, быть-может, при наличии такого кадра она если бы не избежала совсем, то уменьшила бы их наверняка.

Когда речь заходит о большевистском ядре, которому предоставляется хотя бы фактом „нормирования“ стажа определенное преимущество, и когда партия ставит себе задачей усиление численно и качественно рабочей части партии, то этим самым логически встает вопрос об ограничении внутрипартийной демократии. Когда партия превращает рабочую часть, не превышающую половины ее состава, в основной стержень, в базу, на которой покоится политическая линия партии, ее общее поведение, демократия опять умаляется, „сугубо ущемляется“.

Но спросим мы, однако, любого из членов партии, который понимает всю сложность исторической обстановки, может ли партия поступить иначе? Мы не сомневаемся, что каждый член партии, если только он не является безграмотным в партийных вопросах, ответит, что нам надо сохранить в нынешних условиях в партии руководство за большевистским ядром, надо опираться на рабочий стержень. Другое дело, чтобы, соблюдая эти принципы, отстаивать и решительно проводить принципы внутрипартийной рабочей демократии, широкое обсуждение вопросов партийной жизни и политики.

Надо бороться беспощадно со всякими чрезмерностями, увлечениями и перехватами. Нельзя допустить в партии установления практики поголовного назначенства включительно до секретарей ячеек, игнорирования мнений организаций, ячеек, преследования всяких разногласий, переброски несогласных. Нечего греха таить, это у нас иногда допускается. Такого рода явления крайне ненормальны. Недопустимо явление, когда член партии боится, что за всякое критическое выступление ему могут прилепить ярлык склочника или оппозиционера. Это припугивает партию, создает внутреннее глухое недовольство.

Принципы внутрипартийной демократии необходимо решительно проводить. Нужно раскрепостить, раскачать мысль партийного актива. Наш партийный актив чувствует себя в партии оторванным, политически он малоинициативен. Все политические проблемы и наиболее существенные и важные вопросы

партийной работы следует пропускать через широкое обсуждение партийной массы. Партиец обязан не только исполнять директиву, циркуляр или задание комитета, но он также должен знать, чем эта директива вызвана, какими политическими соображениями, чем она обусловливается, какие мотивы лежат в основе того или иного решения. В этом отношении у нас есть значительный недочет и пробел. Партии необходимо это учесть и сделать определенный вывод для внесения значительных изменений в практику партийной работы. Бюрократизм, аппаратная косность, как кислота, способны выедать все самые элементарные и необходимые принципы внутрипартийной демократии. Если это допускается, если это мы наблюдаем на практике, то надо без всяких колебаний объявить этому беспощадную борьбу. На этом мы все сойдемся. В этом мы все единодушны; но в то же время неверно отсюда выводить теорию коренной перемены курса партии и делать заключения, что партия „в основном вот уже два года ведет неправильную линию“!

В нашей дискуссии мы должны поставить и разрешить ряд практических вопросов, главным образом, в связи с необходимостью оживить партийную мысль, поднять активность партийного массовика, усилить интерес массы, участников конференций, съездов ко всем вопросам и особенно увеличить внимание к выборам нашего руководящего состава, бюро ячеек, комитетов, контрольных комиссий, но всю эту внутреннюю реформу (если можно так выразиться) следует связать с общим положением партии. Игнорировать сложность условий, как поступает в своих рассуждениях оппозиция, думать, что трудности переходного периода нэп‘а мы уже прошли, пережили и можем позволить себе роскошь установить развернутую до конца демократию, мы ни в какой мере не имеем основания.

Необходимо воспользоваться многочисленными практическими предложениями, которые появляются в печати, на собраниях, в дискуссии о состоянии партии, и разрешить основной для нашей партии вопрос, как установить еще более тесную связь партии с рабочим классом, связать верхушку (руководящее ядро) партии с партийной массой, как обеспечить процесс беспрерывного роста партии, роста политической зрелости масс и пополнение свежими, молодыми силами руководящих кадров.

Свобода критики.

В дискуссии встал еще один вопрос, чрезвычайно большой принципиальной важности,—это вопрос о свободе критики в партии. У меня был большой соблазн поставить слово „свобода“ в кавычках, но так как этот лозунг обычно является самым употребительным оружием в руках всяких демагогов, любителей дешевки на политической улице, то эти соображения меня удержали от вполне законного искушения. Спор о свободе критики в партии и о пределах внутрипартийной критики вообще

имеет свою весьма пожилую историю. В упомянутой нами книге Ленина первая глава начинается с выяснения, что означает „свобода критики“. Стары, довольно стары и разногласия по этому вопросу!

В свое время (в эпоху ревизионизма) разгорелась весьма горячая дискуссия по вопросу о свободе критики в рядах германской социал-демократии. Мы также, в свою очередь, в прошлом имели честь и удовольствие по этому вопросу скрестить мечи с „экономистами“, а впоследствии с их наследниками — меньшевиками. Это обстоятельство, т. е. наличие значительного опыта в прошлом, чрезвычайно облегчает задачу настоящей дискуссии.

Как должны мы подходить к вопросу о свободе критики и критике вообще в нашей партии?

Мне думается, что и в данном случае мы должны оставаться последовательными диалектиками. К этому принципу, как и к принципу демократии вообще, партия подходит практически, конкретно, с точным измерителем, который обусловливается интересами партии, интересами рабочих масс, интересами того величайшего революционного дела, которое выполняет партия.

Партия не представляет из себя церковь, где хранятся религиозные ритуалы, обычаи и соблюдаются неукоснительно, буква в букву, священные заветы предков. Партия в целом и каждый член партии в отдельности в праве и обязаны критически проверять каждый собственный шаг. Без этого качества партия могла бы очень часто впадать в самые ужасные и роковые для нее ошибки. Большевизм в этом отношении служит безусловно примером. Общеизвестно, что никто не бичевал так беспощадно, откровенно и открыто самые наиважнейшие политические шаги и практические мероприятия партии, как Ленин, но в то же время не было более непримиримого противника лозунга „свобода критики“ в партии, чем он. Он считал, что „критическое“ направление вообще по существу содержит в себе признак ревизионизма, оппортунизма.

Совершенно очевидно, что, допуская здоровую внутрипартийную критику, направленную против всех извращений, уклонов, отрицательных, теневых сторон партии, мы, однако, должны категорически изгонять попытку навязать партии лозунг „свобода критики“. Партия уже по одному тому обстоятельству, что она представляет из себя партию,—добровольную организацию, объединенную на основе программы и тактики, обязана устанавливать определенные, необходимые ограничения. Решающее слово в ней всегда принадлежит большинству. Меньшинство обязано подчиниться воле большинства партии. Это закон естественный, партийной природы,—иначе немыслимо существование партии вообще. Эти внутрипартийные ограничения, вытекающие из общих исторических, политических и повседневных тактических интересов партии, неизбежно ставят *ограничения и для внутрипартийной критики*.

Внутрипартийная критика должна быть поставлена в границы практической целесообразности, она может быть допущена и по-

ощряема до тех пор и до того предела, пока она содействует успехам партии, предостерегает ее от ошибок. Но может быть критика и „критика"! И поэтому не всякую критику и не всегда партия может разрешить. Есть положения, бывают моменты, когда приходится особыми постановлениями съездов либо Центрального Комитета запрещать какую бы то ни было критику по тому или иному вопросу. Внутрипартийной критикой партия должна, в свою очередь, также руководить и направлять ее в здоровое русло. Необходимо постоянно учитывать то обстоятельство, что наша партия пока-что единственная в мире партия победившего пролетариата, управляет в сложнейшей обстановке огромнейшей страной, управляет, окруженная миллионами врагов, открыто борющихся с ней. Каждый шаг партии враги внимательным образом изучают, каждый промах — ловко использовывают. Несомненно, что даже теперешнюю дискуссию, представляющую из себя вполне обычное явление в партии,— происходи она внутри какой-либо европейской компартии, на нее, пожалуй, не обратили бы никакого внимания,— однако, то обстоятельство, что она развернулась в партии, которая руководит революцией, победившей и угрожающей в своем дальнейшем развитии захватить остальные европейские страны, противники используют и постараются пустить в оборот, как один из аргументов нашего ослабления.

Маркс нас учил, что иногда „оружие критики превращается в критику оружием". Этой истины нельзя забывать никогда. Если бы партия взяла на себя смелость провозгласить лозунг „свобода критики", то не подлежит никакому сомнению, что на девяносто сотых этот лозунг был бы использован против партии. Вы представьте себе положение, когда любой член партии, любая ячейка или отдельная организация в праве критиковать, как ей только вздумается, каждое постановление Центрального Комитета, каждую директиву парткома. Что из этого вышло бы? Похоже ли было бы это на партию? Организация с таким режимом не носила бы и намека на партию.

Мы чрезвычайно смело, по-революционному, по марксистски рассчитались с принципами „чистой демократии" и со всевозможными ее атрибутами, как „свобода печати", „свобода критики" и т. д., установили диктатуру пролетариата, сосредоточивши власть в руках одной партии. Наш исторический опыт в этом отношении оказался блестящим моральным политическим уроком для рабочих масс Европы, которые находились в порабощении перечисленных атрибутов буржуазной демократии, представляющих, как известно, только пустую фикцию. В эпоху пролетарской революции парламент оказался непригодной ветошью. Однако, повидимому, не все еще это достаточно ясно понимают. Когда появляются сторонники „свободы критики" в партии, это чрезвычайно напоминает выступления сторонников „демократических свобод", это есть тенденция возвести внутри партии уничтоженный принцип парламентаризма в государстве.

Партия не может быть парламентом.

Она не продержится и месяца, если будет строить свою по-

литику на внутрипартийной коалиции внутрипартийных группировок, допущенных к оформлению.

Партия должна категорически высказаться против „свободы критики". Критическая деловая мысль партийцев должна процветать и содействовать успеху партийного строительства и охранять, предостерегать партию от ошибок, но эта критическая мысль должна регулироваться, направляться пределами основной революционной задачи, которую ставит для себя партия.

Политические уроки.

Еще не раз нам придется возвращаться к итогам внутрипартийной дискуссии, подведенным XIII партконференцией, еще не раз нам придется самым внимательным, тщательным, подробным образом изучать ее итоги с тем, чтобы до конца, до самого основания продумать те политические уроки, которые обязана из них вывести для себя партия.

Наша партия находится в оправе сложнейшей обстановки, сложнейших внутренних противоречий. Малейшие колебания социальных сил, малейшая перегруппировка классов немедленно сказываются на состоянии партии, как перекат ртути отражает колебание, перемену погоды. Это первое обстоятельство, требующее от нас искать в каждом новом внутрипартийном явлении корни и предпосылки этих явлений за партией, дальше партии, вне партии, т.-е. искать в источниках тех общественных прослоек пролетариата и крестьянства, которые являются основой политического господства партии в стране.

Второе обстоятельство—это социальный состав нашей партии. Мы—партия, единственно подлинно рабочая, подлинно революционная. Это доказано на деле. Однако, это не значит, что по своему составу, по социальному происхождению членов партий, наша партия есть т о л ь к о р а б о ч а я. Такое утверждение было бы совершенно неверным.

В нашей партии есть три группы, из которых ни одна не составляет абсолютного большинства: группа рабочая, крестьянская, интеллигенция. Рабочие не составляют в партии абсолютного большинства. Налицо есть две другие, весьма внушительные группы, имеющие глубокие социальные корни в стране вне партии, на которые они, естественно, опираются. Эту характерную черту внутреннего существа партии мы также обязаны учесть и учесть в первую очередь. Ибо не подлежит сомнению, что отсутствие однородности в партии создает возможность, при наличии монополии, легальности для партии, возникновения острых противоречий и колебаний внутри ее, т.-е. перенесения, разумеется, при ином сочетании, при иной группировке противоречий в стране, и борьбы этих противоречий—в партию.

Наша внутрипартийная дискуссия, развернувшаяся на первый взгляд, казалось бы, по поводу исключительно внутрипартийных дел и, прежде всего, вокруг внутренних организационных принципов, тем не менее, как показывают ее политические итоги,

оказалась точным зеркалом тех назревающих, подпочвенных классовых сил в стране, которые в настоящий момент, под влиянием двухлетней работы нэп'а, складываются и которые, экономически сложившись, еще очень смутно и очень робко, но вполне определенно, делают пробу предъявляя политические требования к нашей партии. Нажимают на партию, чтобы она сделала им политические уступки. В этом кроется коренная опасность для нашей партии в условиях нэп'а. Наши внутренние партийные дела—сравнительные пустяки с тем, с чем может столкнуться партия при нарастании капиталистического накопления, при укреплении кулака, при сближении экономически более сильной крестьянской верхушки с мелкой торговой буржуазией, а через нее с крупной буржуазией и буржуазной интеллигенцией.

В этом корень основной политической проблемы, которую мы себе вполне отчетливо представляли, когда шли на нэп, и на борьбе с этой именно опасностью партия обязана сосредочить все свои силы, сконцентрировать весь свой политический разум, всю свою революционную энергию.

Конференция отчетливо и ясно показала полное политическое банкротство оппозиции. Предложения оппозиции, особенно по части экономической политики, оказались абсолютно несостоятельными, даже несерьезными. Они представляли из себя какую-то окрошку разнородных тенденций, различных направлений, где одно предложение исключало другое. Объясняется это, разумеется, не тем, что, будто бы, в оппозиции не было людей, которые могли бы написать выдержанную, достаточно отчетливую и логически хорошо построенную программу по спорному вопросу. Совершенно не потому.

В оппозиции были люди, которые на своем партийном веку не одну резолюцию написали. Спрашивается: в чем же причина этого очевидного банкротства?

Причина, нам кажется, в том, что спорили в дискуссии об одних и тех же как-будто вопросах, формулировали одними и теми же словами, говорили по одному и тому же организационному вопросу, а на самом деле в этом ожесточенном споре происходила борьба двух политических тенденций.

С одной стороны—тенденция классовая, тенденция диктатуры пролетариата, с другой стороны — тенденция мелкобуржуазная, обусловливаемая политическим ростом крестьянина-кулака, укреплением частного товарного посредника—торговой буржуазии.

XIII партийная конференция вынуждена была констатировать этот, для многих весьма горький, факт и осудила оппозицию за мелко-буржуазные уклоны.

Многие лучшие старые рабочие, иные случайно, а иные не случайно попавшие в оппозицию в этой дискуссии, были как бы „обижены“ тем, что партия их, коренных пролетариев, обвиняет в мелкобуржуазности. Обиды вполне законные. Разумеется, ка-

ждый из старых партийцев, был ли он рабочим или не был, находясь в оппозиции, по-своему, боролся, отстаивал определенную линию внутри партии, отстаивал определенную программу в организационном вопросе и в вопросе экономики, считая ее лучшей. Но в том-то и сложность положения каждого члена партии в таких политических дискуссиях, что в своих личных намерениях мы обязаны подчиняться определенной политической тенденции, которая лежит в основе дискуссии. Сотни из тех рабочих, которые находятся в оппозиции, хотели предложить для партии, с их точки зрения, самое лучшее, самое правильное решение, а на деле, когда подвели итоги, то оказалось, что это „самое лучшее“ и „самое здоровое“ есть не что иное, как мелкобуржуазный уклон, вызванный глубокими внутрипартийными и внепартийными противоречиями.

Партии необходимо в настоящий момент изжить этот уклон, всячески рассосать то недовольство, всю ту фракционную остроту, которая сложилась внутри партии во время дискуссии.

Мы имеем определенное решение партийной конференции, мы должны проводить это решение, и прежде всего решение о внутрипартийном положении, т.-е. резолюции о внутрипартийной демократии и об итогах дискуссии.

На основе этого нам надо сейчас добиться полнейшего единства и сплоченности наших рядов.

Было бы, конечно, самой большой опасностью и после конференции, а особенно после всего пережитого партией со смертью Ленина, продолжать хотя бы в той или иной форме фракционную борьбу.

Партия должна быть едина, непоколебима, партия должна быть наиболее стойкой в этот важнейший исторический момент для нас.

Все, что есть искреннего в оппозиции, надо немедленно привлечь к работе, надо добиться того, чтобы эта часть товарищей не чувствовала себя в партии „чужой“. Всякий, кто сознает политическую правоту решений партийной конференции и признает политическую опасность, которая угрожает партии при углублении внутренней борьбы, обязан без всяких колебаний приняться активно за совместную дружную партийную работу. Но партия также не может допустить и не допустит дальнейших потрясений и не потерпит в дальнейшем внутренней борьбы.

Нам история поставила в настоящий момент небывалые задачи. Мы, в свою очередь, эту задачу увеличили тем, что приняли решение навербовать в ближайшие месяцы исключительно из числа рабочих, находящихся на производстве, 100 тыс. новых членов партии.

Мы понимаем, насколько эта задача трудна и сложна. Тем не менее, мы имеем полное основание утверждать, что ее выполним, выполним успешно, чем неизмеримо укрепим партию и укрепим все свои революционные позиции.

Для этого нужно только иметь одно желание: дружно всем партийным коллективом за работу!

ГЛАВА V.

Заключение.

Партия о троцкизме.

Партия подвела политические итоги дискуссии с троцкистами. Решение январского пленума ЦК и ЦКК РКП (б.) о выступлении тов. Троцкого, которое, в свою очередь, получило одобрение и подтверждение последнего пленума Исполкома Коминтерна, является важнейшим, коренным вопросом нашей внутрипартийной жизни.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что январское решение войдет в историю развития нашей большевистской партии, в борьбе за большевистское единство, в борьбе за ленинизм, как выдающийся, исторически важнейший факт,

Значение его для партии имеет двоякий характер. Во-первых, решением пленума впервые наиболее полно и отчетливо дана характеристика тех глубочайших противоречий, какие разделяют ленинизм и троцкизм, и, во-вторых, предъявляются к тов. Троцкому, а через него и ко всей троцкистской оппозиции определенные требования, выполнение которых безусловно необходимо для сохранения единства и сплоченности партии.

В начале дискуссии „о ленинизме и троцкизме“ кое у кого возникли сомнения насчет того, возможно ли вообще политические взгляды тов. Троцкого, которые он построил в обоснование своей принципиальной позиции, считать „троцкизмом“, т.-е. определенной, самостоятельной принципиальной политической позицией, порывающей с ленинизмом, ведущей партию, и тов. Троцкого, в первую очередь, к ревизии, к извращению ленинизма. Эти сомнения, в процессе изучения партией политической позиции тов. Троцкого по ряду вопросов, окончательно рассеялись. Партия пришла с твердой определенностью к выводу: политическая позиция тов. Троцкого, его внутрипартийная линия, есть своя „особая политическая платформа“, противопоставляющаяся ленинизму, не совместимая с принципами партийного строительства большевизма.

Пленум ЦК и ЦКК, подводя итоги 2-месячной литературной дискуссии, пришел к выводу, что нынешняя позиция т. Троцкого

разделяет его с партией и с ленинизмом, что между ними лежит глубочайшая пропасть непримиримых расхождений по ряду коренных вопросов революционной классовой тактики. Семилетнее пребывание в партии т. Троцкого вполне доказало это. По всем сколько-нибудь значительным вопросам тов. Троцкий расходился с Лениным, противопоставлял ему свою собственную, принципиально иную позицию.

На протяжении революции мы имели четыре дискуссии: дискуссию в 1918 г. „о Брестском мире", в 1921 году „о профсоюзах", в 1923 г. „о партаппарате и плане" и, наконец, в 1924 г.— четвертую дискуссию об „Уроках Октября", наиболее ярко отразившую глубину разногласий, лежащих между ленинизмом и троцкизмом и показавшую воочию всей партии, что троцкизм ведет к ревизии ленинизма. Во всех четырех указанных случаях мы имели дискуссии по основным наиважнейшим вопросам революции, при этом во всех указанных дискуссиях непременным „вождем" оппозиции оказывался тов. Троцкий.

Разумеется, за это время внутрипартийные группировки чрезвычайно видоизменялись,— скажем, во время дискуссии о Брестском мире, тов. Троцкий возглавлял персонально совершенно иные группировки, чем те, какие были им объединены в дискуссии 1923 года. Тем не менее, различная комбинация группировок, передвижка внутрипартийных сил, объединявшихся во время всех дискуссий вокруг тов. Троцкого, не исключает доказательства сравнительной устойчивости политической, принципиальной позиции троцкизма. Он обнаружил себя, как самостоятельное, антиленинское течение. Это обстоятельство заставило партию в последнюю дискуссию подвести исторические итоги политических взглядов тов. Троцкого. Поэтому так внимательно партия пересматривала все последние, наиболее значительные книги тов. Троцкого, хотя бы они были написаны им в 1922 г., как, например, предисловие к „1905 г.",—„Новый курс" и проч.

Произошло это потому, что тов. Троцкий в своих, теперь уже знаменитых, „Уроках Октября" сделал теоретические и принципиальные обобщения всех своих взглядов, привел их в целую общую систему, придав им теоретическую основу.

В своем письме от 15 января 1925 года тов. Троцкий пишет, как бы с „удивлением", о том, что партия теперь критикует и опровергает его книги, написанные уже несколько лет тому назад и выдержавшие по нескольку изданий, и этим намеренно подчеркивает, якобы, обнаруживающиеся противоречия в позиции партии. „Раньше партия ничего не говорила, а теперь вдруг нещадно ругает!" Его недоумения и удивления по этому поводу вытекают из того, что он упускает одно основное обстоятельство. Оно состоит в следующем: тов. Троцкий был подвергнут всестороннему просмотру партией, во всех направлениях, по всем своим работам, какие он писал на протяжении последних 2-х—3-х лет, исключительно потому, что в „Уроках Октября" он первый взял на себя почин обобщить свои неверные взгляды.

В противоположность „обобщениям“ тов. Троцкого, партия обязана была заняться, в свою очередь, обобщениями политических ошибок троцкизма. Разумеется, в этом поступке партии нет никакого противоречия. Партия должна была дать всестороннее обобщение исторических и политических ошибок троцкизма. Правильно ли она поступила? Вся партия сотнями резолюций и постановлений ответила: правильно.

К каким же основным выводам пришла партия после всестороннего теоретического разбора позиции тов. Троцкого? Главный и решающий вывод — это неопровержимое доказательство, что „размеры расхождения тов. Троцкого с большевистской партией, таким образом, из года в год, а в последнее время из месяца в месяц возрастают; разногласия касаются не только вопросов прошлого, само прошлое ревизуется для того, чтобы подготовить платформу нынешних актуально-политических разногласий“. Троцкий ведет почти непрерывную внутрипартийную борьбу.

Под „скромным“ предлогом изучения „Уроков Октября“, разоблачения „правых“ большевистских направлений, будто бы существовавших в Центральном Комитете перед октябрем 1917 года, он подготовляет себе почву „для того, чтобы под этим прикрытием отвоевать себе право образования подлинно-правого крыла в РКП теперь—в эпоху нэп'а и замедления мировой революции, когда мелкобуржуазные опасности, благоприятные для образования правого крыла в РКП и Коминтерне, налицо“.

Партия считает, что позиция тов. Троцкого ведет прямиком к образованию правого крыла, к созданию в нашей партии и в Коминтерне течений и фракций, родственных и близких к меньшевизму, к партиям II Интернационала. Разочарованность в силах нашей революции, разочарованность в неизбежности победы европейской революции вследствие ее затяжности, приводит тов. Троцкого к тому, что он теряет надежду на победу, на возможность двигаться к социализму при нынешних условиях и поэтому всячески ищет лазейку для каких-то „новых“, будто бы „необходимых поворотов“. Отсюда его явно меньшевистская теория о возможности перерождения партии и большевистских кадров. Отсюда проистекают его увлечения „эрой демократического пацифизма“, начавшейся с установлением правительства Макдональда в Англии. Не подлежит никакому сомнению, что позиция тов. Троцкого в оценке перспектив развития международной революции имеет большую близость в той позиции, какую занимает меньшевизм. Как назвать его беспрестанные рассуждения о том, что, если не подоспеет революция на Западе, мы „сгнием на корню“?

В своих „Уроках Октября“ тов. Троцкий дает совершенно ложное, фальшивое истолкование ленинской теории движущих сил революции. Он в корне ошибался в оценке движущих сил революции в 1905 году, он не понимает их механику и поныне. Он недооценивает революционной роли крестьянства в нашей революции.

„Неправильная, антиленинская оценка роли крестьянства

в революции тов. Троцким — к этому вновь и вновь возвращают все дискуссии партии с тов. Троцким".

Пленум ЦК и ЦКК, подводя итоги в этой части, находит, что „ошибки в этом вопросе (т.-е. в вопросе об отношении к крестьянству) становятся особенно опасными именно теперь, когда партия, проводя лозунг „лицом к деревне", усиленно работает над укреплением смычки между городской промышленностью и крестьянским хозяйством, вовлечением широчайших масс крестьянства в советское строительство, оживлением советов и т. д., и когда дальнейшие успехи или неуспехи революции определяются правильностью или неправильностью во взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством". Тем паче, что в настоящий момент более, чем когда-либо, „партия стоит перед важнейшей очередной политической задачей—решительно взять курс на преодоление элементов разобщения города и деревни, т.-е. поставить во весь рост вопрос о снижении цен на предметы городской продукции; создать условия действительного подъема сельского хозяйства (землеустройство, землепользование); обратить самое пристальное внимание на действительное оживление, в первую очередь, сел.-хоз. кооперации (подлинное добровольчество, выборность, кредит); поставить и решить вопрос об ослаблении налоговых тягот для крестьянства и реформе налоговой политики; а также напряжением всех сил партии разрешить вопрос об улучшении политической обстановки в деревне (более правильная выборность, привлечение беспартийных крестьян и т. п.)".

Политическая позиция тов. Троцкого, как видно было из тех итогов, которые подвела партия, целиком противоречит установлению твердого, прочного, непоколебимого союза рабочего класса с крестьянством. Опыт революции показал, что, ежели бы партия пошла по пути троцкизма, она бы никогда не установила союза с крестьянством, она никогда не сумела бы воспользоваться огромнейшей революционной силой крестьянства для свержения капиталистов и помещиков, для борьбы с империализмом, с интервенцией. Это разногласие, т.-е. разногласие по вопросу о крестьянстве, есть коренное, исключающее какое бы то ни было соглашение с троцкизмом. Тов. Троцкий будет терпим и сможет работать наравне со всеми в рядах нашей партии только тогда, когда он до конца откажется от своей архиневерной политической позиции, ведущей к разрыву союза рабочего класса с крестьянством. Это основное и главное требование, которое предъявляет пленум ЦК и ЦКК т. Троцкому.

Наша партия проводит социалистическое строительство в чрезвычайно сложных и в весьма противоречивых отношениях, когда налицо существует, кроме рабочего класса и крестьянства, еще класс буржуазии, класс нэпманов. Разумеется, этот класс еще сравнительно очень слаб и молод, но, тем не менее, не исключены основания его роста и экономического и политического укрепления. В таких условиях особо важное значение приобре-

тает вопрос о сохранении единства, сплоченности, монолитности рядов нашей партии. Чем противоречивей объективная обстановка в стране, тем сплоченнее, крепче должен быть авангард (т.-е. наша партия), возглавляющий революцию, ведущий рабоче-крестьянские массы сквозь эти противоречия к социализму.

„Этого решающего в нынешней обстановке соотношения между партией, рабочим классом и крестьянством тов. Троцкий именно и не понимает“. Вместо того, чтобы создавать единство, постоянно заботиться об единстве, укреплять единство, он своими выступлениями беззаботно разрушает единство, ведет партию к распаду. Взявши на себя роль знаменосца внутрипартийной оппозиции, тов Троцкий фактически превратился в знаменосца всех оппозиционных, враждебных коммунизму и Советской власти элементов в стране и даже за границей. Такое положение в партии дальше не может быть терпимо. Партия должна предъявлять к своим членам твердое и неуклонное требование: либо они проводят ее политическую и тактическую линию, подчиняются директивам, соблюдая внутрипартийную дисциплину,—либо выходят из партии, порывают с ней.

В этом смысле надо понимать и решение пленума Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии, предъявившее совершенно твердые и определенные требования т. Троцкому.

„Троцкизм“ партия осудила. Она считает его несовместимым с ленинизмом. Люди, которые защищают позицию троцкизма, не имеют никакого отношения к ленинизму и, разумеется, не могут иметь никакого отношения к большевизму.

Пленум ЦК и ЦКК РКП (б.), осуждая самым решительным образом принципиальную политическую позицию тов. Троцкого, отвергая его теорию, вместе с тем, вынес ряд предупредительных указаний лично тов. Троцкому, во-первых, о необходимости безапелляционного подчинения директивам партийного съезда, во-вторых — соблюдения внутрипартийного единства и, в-третьих, потребовал безусловного отказа от борьбы за свои „троцкистские“ политические позиции внутри партии.

Пленум постановил считать законченной дискуссию. Это совершенно правильно. Партии в настоящее время не до дискуссии. Партии необходимо решать крупнейшие практические задачи, которые стоят в порядке дня нашей работы.

Итоги январского пленума, как и итоги дискуссии, должны быть всесторонне изучены широчайшими партийными и беспартийными рабочими массами.

Нам необходимо воспитать в ленинизме нашу партийную молодежь, наши новые, подрастающие партийные кадры. Уроки троцкизма, итоги дискуссии и решение пленума послужат лучшими документами и материалами для воспитания нашей партии, для обучения широчайших слоев партии и комсомола в духе ленинизма, в духе старых большевистских революционных традиций, без чего немыслимо создать настоящее внутрипартийное единство, без чего немыслимо продвигаться к социализму, продвигаться вперед.

Приложение I.

Резолюция о выступлениях тов. Троцкого, принятая пленумами ЦК РКП и ЦКК 17 января 1925 года.

Принята большинством всех членов ЦК против двух и всеми членами ЦКК при одном воздержавшемся.

Основной предпосылкой всех успехов большевистской партии всегда было стальное единство и железная дисциплина,—подлинное единство взглядов на почве ленинизма. Непрекращающиеся выступления тов. Троцкого против большевизма ставят теперь партию перед необходимостью или отказаться от этой основной предпосылки, или прекратить раз навсегда такие выступления.

В международном масштабе выступление тов. Троцкого против партии буржуазией и социал-демократией расценивается как предвестник раскола РКП и, значит, распада пролетарской диктатуры вообще. Отсюда международный империализм делает сейчас частично и свои практические выводы по отношению к СССР, несмотря на то, что объективно положение СССР сейчас прочнее, чем когда бы то ни было до сих пор.

Внутри страны оппозиционные выступления тов. Троцкого всеми антисоветскими и колеблющимися элементами понимаются как сигнал сплачиваться против политики партии с целью разложить режим пролетарской диктатуры в сторону уступок буржуазной демократии.

Антипролетарские элементы госаппарата, добивающиеся „эмансипации“ от партруководства, видят в борьбе тов. Троцкого против ЦК партии свою надежду. Диктатуре пролетариата и в частности одному из важнейших заветов тов. Ленина о необходимости переделки всего госаппарата в духе рабоче-крестьянской власти наносится громадный ущерб.

В партии и около партии эти оппозиционные выступления тов. Троцкого сделали его имя знаменем для всего небольшевистского, для всех некоммунистических и антипролетарских уклонов и группировок.

В самой общей форме совокупность выступлений тов. Троцкого против партии можно охарактеризовать теперь как стремление превратить идеологию РКП в какой-то „модернизированный“ тов. Троцким „большевизм“ без ленинизма. Это не большевизм,

это—ревизия большевизма. Это—попытка подменить ленинизм троцкизмом, то-есть попытка подменить ленинскую теорию и тактику международной пролетарской революции той разновидностью меньшевизма, какую представлял из себя старый троцкизм, и какую представляет собой ныне возрождаемый „новый“ троцкизм. По существу дела, современный троцкизм это фальсификация коммунизма в духе приближения к „европейским“ образцам псевдомарксизма, то-есть, в конце-концов, в духе „европейской“ социал-демократии.

В течение нескольких лет пребывания тов. Троцкого в РКП нашей партии пришлось вести с тов. Троцким 4 всероссийских дискуссии, не говоря о менее крупных спорах по крайне важным вопросам.

Первая дискуссия—о Брестском мире. Тов. Троцкий не понял, что крестьянство не хочет и не может воевать, и он вел политику, которая чуть не стоила головы революции. Понадобилась угроза тов. Ленина выйти из правительства, понадобилась напряженная борьба на VII съезде партии, чтобы выправить ошибку и получить—хотя и на худших условиях—брестскую „передышку“.

Вторая дискуссия — о профсоюзах. На деле—об отношениях к крестьянству, подымавшемуся против военного коммунизма, об отношениях к беспартийной массе рабочих, вообще о подходе партии к массе—в полосу, когда гражданская война уже кончалась. Понадобилась острая всероссийская дискуссия, понадобилась напряженная кампания всего ядра партии, во главе с тов. Лениным, против „лихорадящих верхов“ троцкизма, чтобы спасти партию от ошибки, которая могла бы поставить под вопрос все завоевания революции.

Третья дискуссия — о „партаппарате“, о „плане“, о мнимом „крестьянском уклоне“ ЦК, о „борьбе поколений“ и т. д. На деле — вновь о „хозяйственном“ союзе пролетариата с крестьянством, о политике цен, о денежной реформе, о необходимости ориентировать политику партии по рабочему ядру и о сохранении руководящей роли партии в хозяйстве и госорганизациях, о борьбе против „свободы“ фракций и группировок, о сохранении руководящей роли большевистских кадров партии,—словом, о сохранении ленинской линии партии в период нэп‘а. Тов. Троцкий в этой дискуссии стал уже совершенно явственно рупором мелкобуржуазного уклона. Он вновь толкал партию на политику, которая могла погубить революцию, ибо эта политика подрезывала хозяйственный успех партии в самом зародыше. Мелкобуржуазная оппозиция, возглавляемая тов. Троцким, сама загнала себя в такое положение, что, при нежелании признать свои коренные ошибки, ей приходится рассуждать по формуле „чем хуже, тем лучше“, то-есть ставить ставку на неудачу партии и Советской власти.

Понадобилась напряженная борьба, чтобы отбить этот мелкобуржуазный натиск на твердыни большевизма. Теперь уже всем ясно, что толки троцкистов о „гибели страны“ осенью 1923 г.

были лишь выражением мелкобуржуазного испуга, неверия в силу нашей революции и полного непонимания нашей экономики. Денежная реформа, которой тов. Троцкий противопоставляет „план" и которой пророчил неуспех, оздоровила хозяйственное положение и явилась крупнейшим шагом по пути хозяйственного возрождения страны. Промышленность поднимается, несмотря на неурожай 1924 года. Материальное положение рабочих улучшается. Партия вышла окрепшей из испытаний. Ленинский призыв укрепил партию новыми пролетарскими силами. Но если бы большевистская партия не дала столь резкого и единодушного отпора полуменьшевистскому рецидиву Троцкого, подлинная опасность для страны, для рабочего класса и для нашей партии была бы неисчислимой.

Все выступления тов. Троцкого против общепартийной линии в 1918—24 гг. в конечном счете имели своим источником полуменьшевистское непонимание роли пролетариата по отношению к непролетарским и полупролетарским слоям трудящихся, принижение роли партии в революции и социалистическом строительстве, непонимание того, что большевистская партия может выполнить свое историческое назначение лишь при действительном единстве и монолитности.

Четвертая, ныне происходящая дискуссия, обнаружила еще более серьезные всеобъемлющие разногласия между тов. Троцким и большевистской партией. Дело уже теперь явно идет о двух противостоящих друг-другу во всем основных системах политики и тактики. В нынешней дискуссии тов. Троцкий открыл уже прямой поход против основ большевистского мировоззрения. Тов. Троцкий 1) полностью отрицает все то учение о движущих силах русской революции, которое давал ленинизм, начиная с 1904 года, и на котором основана вся тактика большевизма в трех русских революциях; 2) выдвигает против большевистской оценки движущих сил русской революции и против ленинского учения о мировой пролетарской революции свою старую „теорию" перманентной революции, — теорию, которая полностью обанкротилась в трех русских революциях (а также в Польше и Германии), и которую тов. Ленин не раз характеризовал, как эклектическую (путаную) попытку соединить мелкобуржуазный меньшевистский оппортунизм — с „левой" фразой и как стремление перескочить через крестьянство; 3) пытается убедить партию, что большевизму раньше, чем стать на путь диктатуры пролетариата, пришлось „идейно перевооружиться", т.-е., якобы, пришлось отказаться от ленинизма и стать на путь троцкизма; 4) проповедует теорию „рассечения" большевизма на две части: а) большевизма до Октябрьской революции 1917 г., имеющего, якобы, второстепенное значение и б) большевизма с октября 1917 года, которому (большевизму), якобы, пришлось перерасти в троцкизм, дабы выполнить свою историческую миссию; 5) самую историю Октября „излагает" так, что исчезает роль большевистской партии и выдвигается на первый план роль личности самого тов. Троцкого, по форме „герой и толпа", при чем версия о „мирном восстании",

происшедшем, будто бы, еще 10 октября 1917 года, ничего общего с большевистскими взглядами на вооруженное восстание не имеет; 6) роль тов. Ленина в Октябрьскую революцию рисует крайне двусмысленно; дело изображено так, будто бы тов. Ленин проповедывал взятие власти захватническим путем за спиной Советов, и будто бы практически предложение тов. Ленина вытекало из непонимания тов. Лениным обстановки; 7) взаимоотношения тов. Ленина с ЦК партии искажает в корне, изображая их как непрерывную войну двух „держав"; тов. Троцкий пытается заставить читателей поверить в эту „версию" путем опубликования (без разрешения ЦК) отрывков отдельных документов, преподносимых в ложном освещении и в искажающей правду связи; 8) рисует роль всего ЦК партии, руководящего восстанием, в таком свете, чтобы посеять глубочайшее недоверие к основному ядру партийного штаба теперь; 9) искажает важнейшие эпизоды революции с февраля по октябрь 1917 г. (апрельская и июньская демонстрации, июльские дни, предпарламент и т. п.); 10) искажает тактику Исполкома Коминтерна, пытаясь возложить ответственность на его ядро за неудачи в Германии, Болгарии и т. д.,— сеять в нем недоверие и к ЦК РКП, и к ИККИ.

Размеры расхождения тов. Троцкого с большевистской партией, таким образом, из года в год, а за последнее время из месяца в месяц—возрастают. Разногласия касаются не только вопросов прошлого; само прошлое „ревизуется" для того, чтобы „подготовить" платформу нынешних актуально-политических разногласий. В частности, ретроспективное обнаружение правого крыла в старом большевизме нужно тов. Троцкому для того, чтобы под этим прикрытием отвоевать себе право на образование подлинно-правого крыла в РКП теперь—в эпоху нэп'а и замедления мировой революции, когда мелкобуржуазные опасности, благоприятные для образования правого крыла в РКП и Коминтерне, налицо.

А „ревизия" ленинизма в вопросе о движущих силах революции (т.-е., прежде всего, в вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства) является „обоснованием" небольшевистских взглядов на нынешнюю политику партии в вопросе о крестьянстве. Неправильная, антиленинская оценка роли крестьянства в революции тов. Троцким—к этому вновь и вновь возвращают нас все дискуссии партии с тов. Троцким. Ошибки в этом вопросе становятся особенно опасными именно теперь, когда партия, проводя лозунг „лицом к деревне", усиленно работает над укреплением смычки между городской промышленностью и крестьянским хозяйством, вовлечением широких масс крестьянства в советское строительство, оживлением Советов и т. д., и когда дальнейшие успехи или неуспехи революции определяются именно правильностью или неправильностью во взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством.

В основных вопросах международной политики (роль фашизма и социал-демократии, роль Америки в Европе, длительность и характер „демократическо-пацифистской эры", в оценке которых

тов. Троцкий во многом совпал с с.-д. „центром“ и т. п.) тов. Троцкий занял иную позицию, чем РКП и весь Коминтерн, не попытавшись даже предварительно изложить свою точку зрения ни перед ЦК, ни перед ИККИ. Делегация РКП на V конгрессе Коминтерна с полного согласия ЦК РКП предложила тов. Троцкому изложить перед конгрессом Интернационала свои особые взгляды на международные вопросы. Тов. Троцкий отказался это сделать на конгрессе, но счел целесообразным сделать это через самое короткое время на собрании работников ветеринарного дела— через головы Коминтерна и РКП. Ни в одном крупном вопросе тов. Троцкий за последнее время не выступал вместе с партией, а все чаще против взглядов партии.

Партия стоит перед важнейшей очередной политической задачей: решительно взять курс на преодоление элементов разобщения города и деревни, т.-е. поставить во весь рост вопрос о дальнейшем снижении цен на предметы городской продукции, создать условия действительного подъема сельского хозяйства (землеустройство, землепользование), обратить самое пристальное внимание на действительное оживление, в первую очередь, сельскохозяйственной кооперации (подлинное добровольчество, выборность, кредит), поставить и решить вопрос об ослаблении налоговых тягот для крестьянства, о реформе налоговой политики, а также напряжением всех сил партии разрешить вопрос об улучшении политической обстановки в деревне (более правильная выборность; привлечение беспартийных крестьян и т. п.).

Эта политика, во всем основном намеченная тов. Лениным, одна только и ведет к действительному укреплению государственной промышленности, обеспечению ее дальнейшего подъема, росту, концентрации и увеличению социальной мощи промышленного пролетариата, т.-е. не на словах, а на деле закрепляет диктатуру пролетариата в условиях нэп‘а.

Первейшим условием для проведения всей этой политики является абсолютное сохранение руководящей роли нашей партии в государственных и хозяйственных органах, подлинное единство партии на почве ленинизма.

Этого, решающего в нынешней обстановке, соотношения между партией, рабочим классом и крестьянством тов. Троцкий именно и не понимает.

Такое положение с неизбежностью привело к тому, что все небольшевистское и антибольшевистское в стране и за пределами ее стало вкладывать в позицию тов. Троцкого свое содержание, ценя и поддерживая тов. Троцкого как-раз за то, за что его осуждают РКП и Коминтерн. Партия, руководящая диктатурой пролетариата в обстановке лишения „свободы“ всех антипролетарских партий и групп, неизбежно должна иметь врагов. Все эти враги, в особенности идеологи зажиточной мелкой буржуазии, хотят видеть в теперешнем тов. Троцком ту фигуру, которая потрясет железную диктатуру пролетариата, расколет партию, переведет Советскую власть на другие рельсы и т. д.

Все вожди Второго Интернационала, наиболее опасные слуги

буржуазии, пытаются использовать идейное восстание тов. Троцкого против основ ленинизма для того, чтобы скомпрометировать ленинизм, русскую революцию и Коминтерн в глазах рабочих масс Европы и тем прочнее привязать соц.-дем. рабочих к колеснице буржуазии. Ренегат П. Леви издал книгу тов. Троцкого „Уроки Октября“ на немецком языке с своим предисловием, а германская социал-демократия взяла на себя распространение этой книги, которую она широчайше рекламирует, как книгу, направленную против коммунизма. Исключенный из Коминтерна Суварин пытается вызвать раскол во французской компартии, распространяя контр-революционные небылицы о РКП. Балабанова, Хеглунд и другие ренегаты коммунизма поступают примерно так же. Итальянские социал-фашисты из „Аванти“, наемники германской буржуазии из „Форвертса“, Ренодели и Грумбахи из „Котидьен“ и т. д., и т. п.,—все эти элементы пытаются солидаризироваться с тов. Троцким за его борьбу против ЦК РКП и ИККИ.

Беспартийные рабочие, которые должны видеть в крупном работнике партии образец солидарности со своей партией, на деле видят, как т. Троцкий в течение нескольких лет безнаказанно потрясает партийное единство. Такое положение подрывает элементарную дисциплину класса, без которой победоносная диктатура пролетариата невозможна.

Крестьянство, которое должно видеть, что в вопросе о союзе рабочего класса и крестьянства в РКП нет ни малейших колебаний, и что партия в этом вопросе более едина, чем в каком-либо другом, на примере тов. Троцкого убеждается в обратном и становится доступным в этом важнейшем вопросе для всяческих легенд. Это является величайшей угрозой для рабоче-крестьянского блока. Нашей партии приходится руководить диктатурой пролетариата в крестьянской стране. Осуществлять эту диктатуру при таком дергании крестьянства тов. Троцким невозможно.

Молодежь, которая ранее видела в тов. Троцком одного из крупнейших руководителей партии, убеждается в том, что этот руководитель тянет молодежь на „борьбу поколений“, на антиленинский путь.

Красная армия и Красный флот, которые должны видеть в руководителе армии образец партдисциплины и образец правильного понимания взаимоотношений пролетариата и крестьянства (армия у нас в большинстве крестьянская по составу), вынуждены теперь видеть в тов. Троцком прямо противоположное. Такое положение чревато громадными опасностями для внутреннего состояния армии.

Вся партия убеждается, что при таком положении вещей не может быть и речи о сохранении подлинной большевистской монолитности РКП, и приходит к выводу, что нашей партии угрожали бы громадные идейные и организационные опасности, если бы она допустила и дальше такую борьбу тов. Троцкого против большевистской партии.

Ленинский призыв, который искренно стремится впитать в себя подлинный ленинизм, убеждается, что тов. Троцкий пытается про-

водить троцкизм вместо ленинизма, и требует, чтобы партия внесла полную ясность в положение.

Весь Коминтерн видит, как один из виднейших членов РКП препятствует большевизации секций Коминтерна и на деле оказывает идейно-политическую поддержку врагам большевизма из лагеря II Интернационала.

При таком положении вещей соединенные пленумы ЦК и ЦКК находят, что оставить дело в прежнем положении, когда партия постановляет, а т. Троцкий продолжает выступать против партии, означало бы положить начало разбольшевичиванию партии и даже прямо ее распаду. В связи с отпором троцкизму решается вопрос о том, что же такое представляет собой РКП в 1925 году,— большевистскую партию, вылитую из одного куска и стоящую на незыблемом фундаменте ленинизма, или партию, в которой полуменьшевистские взгляды могут стать „законным оттенком".

Ознакомившись с заявлением т. Троцкого в ЦК от 15 января 1925 г., пленумы ЦК и ЦКК принимают к сведению готовность тов. Троцкого выполнять под контролем партии ту работу, которая будет ему поручена, и устанавливают, что в этом заявлении тов. Троцкий ни словом не признает своих ошибок и на деле пытается настаивать на своей антибольшевистской платформе, ограничиваясь лишь формальной лойяльностью.

Исходя из всего вышеизложенного, особенно из того факта, что т. Троцкий, несмотря на известное решение XIII съезда, вновь поднимает вопрос о коренном изменении руководства партии и пропагандирует взгляды, категорически осужденные этим съездом,

пленумы ЦК и ЦКК постановляют:

1) Сделать т. Троцкому самое категорическое предупреждение в том смысле, что принадлежность к большевистской партии требует действительного, а не словесного только подчинения партийной дисциплине и полного безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против идей ленинизма.

2) В виду того, что руководство армией немыслимо без полной поддержки этого руководства авторитетом всей партии, что без такой поддержки создается опасность подрыва железной дисциплины в армии, что конференция политработников, с одной стороны, и фракция Реввоенсовета СССР,—с другой, уже высказались за снятие тов. Троцкого с военной работы; в виду того, наконец, что сам тов. Троцкий в своем заявлении ЦК от 15 января 1925 г. признал, что „интересы дела требуют скорейшего освобождения" т. Троцкого „от обязанностей предреввоенсовета",—признать невозможной дальнейшую работу т. Троцкого в Реввоенсовете СССР.

3) Вопрос о дальнейшей работе т. Троцкого в ЦК отложить до очередного партийного съезда с предупреждением, что в случае новых попыток со стороны тов. Троцкого нарушения или неисполнения партийных решений, ЦК будет вынужден, не дожи-

даясь съезда, признать невозможным дальнейшее пребывание т. Троцкого в составе Политбюро и поставить вопрос перед объединенным заседанием ЦК и ЦКК об его устранении от работы в ЦК.

4) Дискуссию признать законченной.

5) Продолжить и развить работу партии по разъяснению снизу доверху антибольшевистского характера троцкизма, начиная с 1903 г. и до „Уроков Октября", и поручить Политбюро преподать всем органам пропаганды (партшколы и пр.) надлежащее разъяснение на этот счет, ввести в программу политпреподавания разъяснение мелкобуржуазного характера троцкизма и т. п.

6) Рядом с разъяснительной пропагандой внутри партии, в РЛКСМ и т. д. необходимо широкое популярное разъяснение беспартийным массам рабочих и крестьян уклонов троцкизма и его неверных путей, ведущих к разрыву союза между рабочим классом и крестьянством.

Письмо т. Троцкого пленуму ЦК РКП (б.).

Уважаемые товарищи!

Первым пунктом на повестке предстоящего пленума ЦК стоит вопрос о резолюциях местных организаций по поводу „выступления“ Троцкого. Не имея возможности, в виду моей болезни, участвовать в работах пленума, я полагаю, что облегчу рассмотрение этого вопроса, если дам нижеследующие краткие объяснения.

1. Я считал и считаю, что мог бы привести в дискуссии достаточно обоснованные принципиальные и фактические возражения против выдвигаемого обвинения в том, будто я преследую цели „ревизии ленинизма“ и „умаления“ (!) роли Ленина. Я отказался, однако, от объяснения на данной почве не толькопо болезни, но и потому, что в условиях нынешней дискуссии всякое мое выступление на эти темы, независимо от содержания, характера и тона, послужило бы только толчком к углублению полемики, к превращению ее в двухстороннюю из односторонней, приданию ей еще более острого характера.

И сейчас, оценивая весь ход дискуссии, я, несмотря на то, что в течение ее против меня было выдвинуто множество невероятных и прямо чудовищных обвинений, думаю, что мое молчание было правильно с точки зрения общих интересов партии.

2. Я никоим образом не могу, однако, принять обвинения в проведении мною особой линии („троцкизм“) и в стремлении ревизовать ленинизм. Приписываемое мне утверждение, будто не я пришел к большевизму, а большевизм ко мне, представляется мне просто чудовищным. В своем предисловии „Уроки Октября“ (стр. 62) я говорю, что большевизм подготовлялся к своей роли в революции непримиримой борьбой не только с народничеством и меньшевизмом, но и с „примиренчеством“, т.-е. с тем течением, к которому я принадлежал. Мне никогда за эти последние 8 лет не приходило в голову рассматривать какой бы то ни было вопрос под углом зрения так-называемого „троцкизма“, который я считал и считаю политически давно ликвидированным. Бывал ли я прав или ошибался в том или другом вопросе, стоявшем перед нашей партией, я исходил при решении его из общего теоретического и практического опыта нашей партии. Ни разу за все эти годы никто не говорил мне, что те или другие мои мысли или предложения знаменуют собою особое течение „троц-

кизма“. Совершенно неожиданно для меня самое слово это всплыло лишь во время дискуссии по поводу моей книги о 1917 г.

3. Наибольшее политическое значение в этой связи имеет вопрос об оценке крестьянства. Я решительно отрицаю, будто бы формула „перманентная революция“, целиком относящаяся к прошлому, определяла для меня в какой бы то ни было степени невнимательное отношение к крестьянству в условиях Советской революции. Если мне вообще случалось после Октября возвращаться по частным поводам к формуле „перманентная революция“, то только в порядке истпарта, т.-е. обращения к прошлому, а не в порядке выяснения нынешних политических задач. Стремление строить на этом вопросе непримиримое противоречие не имеет, на мой взгляд, оправдания ни в 8-летнем опыте революции, проделанном нами совместно, ни в задачах будущего.

Равным образом отвергаю указание и ссылку на мое, будто бы „пессимистическое“, отношение к судьбам нашего социального строительства при замедленном ходе революции на Западе. Несмотря на все трудности, вытекающие из капиталистического окружения, экономические и политические ресурсы советской диктатуры чрезвычайно велики. Я неоднократно развивал и обосновывал эту мысль по поручению партии, в частности на международных конгрессах, и считаю, что мысль эта сохраняет всю свою силу и для нынешнего периода исторического развития.

4. По спорным вопросам, разрешенным XIII съездом, я не выступал ни разу ни в ЦК, ни в СТО, ни тем более в неруководящих партийных и советских учреждениях с какими бы то ни было предложениями, которые бы прямо или косвенно подымали уже разрешенные вопросы. После XIII съезда выросли или ярче определились новые задачи хозяйственного, советского и международного характера. Разрешение их представляет исключительные трудности. Мне было безусловно чуждо стремление противопоставлять какую бы то ни было „платформу“ работе ЦК в деле разрешения этих вопросов. Для всех товарищей, присутствовавших на заседаниях Политбюро, пленума ЦК, СТО или Реввоенсовета СССР, это утверждение не требует никаких доказательств. Спорные вопросы, разрешенные XIII съездом, были снова подняты в последней дискуссии не только вне связи с моей работой, но и, насколько я могу в данный момент судить, вне связи с практическими вопросами политики партии.

5. Поскольку формальным поводом для последней дискуссии явилось предисловие в моей книге „1917 год“, я считаю необходимым, прежде всего, отвести обвинение, будто я печатал свою книгу как бы за спиной ЦК. На самом деле, книга печаталась во время моего лечения на Кавказе на тех же совершенно основаниях, как все другие книги мои или других членов ЦК и вообще членов партии. Разумеется, дело ЦК устанавливать те или другие формы контроля над партийными изданиями, но я ни с какой стороны и ни в малейшей степени не нарушал тех форм контроля, которые были установлены до сих пор, и не имел, разумеется, никакого повода к такому нарушению.

6. Предисловие „Уроки Октября“ представляет собой дальнейшее развитие мыслей, неоднократно высказывавшихся мною ранее и особенно за последние годы. Я здесь называю лишь следующие доклады: „На путях европейской революции“ (Тифлис, 11 апреля 1924 г.), „Перспективы и задачи на Востоке“ (21 апреля), „Первое мая на Западе и Востоке“ (29 апреля), „На новом переломе“ (предисловие к книге „Пять лет Коминтерна“), „Через какой этап мы проходим“ (21 июня), „Основные вопросы гражданской войны“.

Все перечисленные доклады вызваны поражением немецкой революции осенью 1923 года, печатались в „Правде“, „Известиях“ и других изданиях. Ни один из членов ЦК, а тем более Политбюро, ни разу не указывали мне на неправильность этих работ. Равным образом, и редакция „Правды“ не только не снабжала мои доклады примечаниями, но ни разу не сделала ни малейшей попытки указать мне, что она с ними не согласна в том или другом пункте.

Само собою разумеется, что свой анализ Октября в связи с немецкими событиями я не только не рассматривал как „платформу“, но не допускал и мысли, что эта работа кем бы то ни было могла быть понята в смысле платформы, которою она не была и быть не могла.

7. Поскольку сейчас в круг обвинения вовлечены и некоторые другие мои книги, в том числе и такие, которые выдержали ряд изданий, я считаю необходимым установить, что не только Политбюро, но ни один из членов ЦК не указал мне ни разу, что та или другая статья или книга моя может быть истолкована, как „ревизия ленинизма“; в частности это относится к книге „1905“, которая вышла при Владимире Ильиче, выдержала ряд изданий, горячо рекомендовалась партийной печатью, была переведена Коминтерном на иностранные языки, а ныне является главным материалом для обвинения в ревизии ленинизма.

8. Изложенными соображениями я преследую, как уже сказано вначале, единственную цель: облегчить пленуму разрешение вопроса, стоящего первым пунктом порядка дня.

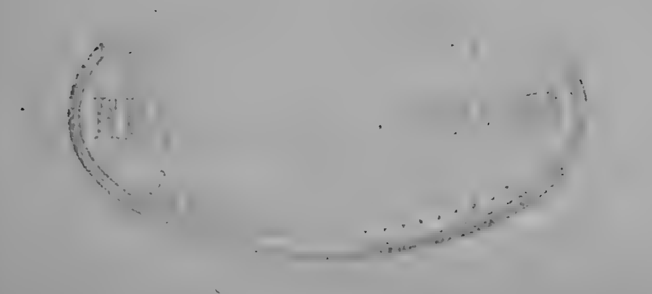
Что касается повторявшихся в дискуссии заявлений о том, что я посягаю на „особое положение“ в партии, не подчиняюсь дисциплине, отказываюсь от той или другой работы, поручаемой ЦК и проч., и проч., то я, не вдаваясь в оценку этих утверждений, со всей категоричностью заявляю: я готов выполнять любую работу по поручению ЦК на любом посту и вне всякого поста и, само собой разумеется, в условиях любого партийного контроля.

Не зачем в частности доказывать, что после последней дискуссии интересы дела требуют скорейшего освобождения меня от обязанностей председателя Революционного Военного Совета.

В заключение считаю нужным прибавить, что я не выезжал из Москвы до пленума, чтобы в случае, если понадобится, иметь возможность ответить на те или другие вопросы или дать необходимые объяснения.

15 января 1925 г.
Кремль.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

5682

60 коп.

